

Мама говорит, что мы ПСИХИ

Против
Кл. Звон
Психи
Сила
Ляля Либерман
Психи

Ляля Либерман

18+

Ляля Либерман

Мама говорит, что мы психи

«Автор»

2026

Либерман Л.

Мама говорит, что мы психи / Л. Либерман — «Автор», 2026

Влюбленные, молодые, совершенно безбашенные! Это было их лето. Такое же, как у вас. Было. Байкал шумел за стенкой палатки. Ветер гнал волны. Звёзды горели, огромные с кулак. Лето шло своим чередом. А они уже знали одно: впереди их ждут настоящие приключения. Полные юмора, дерзких выходок, случайных прикосновений, нелепых ссор и настоящей романтики. Не идеальной. Но не требующей масок и принимающей падение. Той, что говорит: «Я выбираю тебя. Даже когда страшно и глупо. И психовато» Милая, помнишь?

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СТОЛКНОВЕНИЕ	5
Глава 2. СОВМЕСТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ	9
Глава 3. МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ	15
Глава 4. ВЕЛОПРОБЕГ И ЛЕТНИЙ ПАРК	22
Глава 5. ПЕРВОЕ НЕДОПОНИМАНИЕ С РЕВНОСТЬЮ	29
Глава 6. ПЕРВЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ВЫЕЗД НА БАЙКАЛ	36
Глава 7. НОЧНАЯ ПРОГУЛКА И СЛУЧАЙНЫЙ ДОЖДЬ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ляля Либерман

Мама говорит, что мы психи

Глава 1. СТОЛКНОВЕНИЕ

Ангарск. Набережная. Июль.

Катя опаздывала. Как обычно.

Она вылетела из автобуса на остановке «Старица», лихо перепрыгнула через лужу, которая там всегда была. Только сейчас ее не было. Чуть не врезалась в старушку с авоськой. Та охнула, шарахнулась в сторону. Катя побежала дальше, вытаращивая глаза и пытаясь никого больше не задеть.

-- Чекнутая! – рявкнула ей вслед милая старушка.

Катя крикнула «извините!» на бегу и рванула к набережной.

Лето в Ангарске — штука обманчивая. Надо успеть до дождя, грозы и торнадо со снегом.

С одной стороны — солнце, запах шашлыков с острова, музыка уличных барабанщиков у поющих у парашюта. С другой — бетонные плиты, которые плавилась в июле, запах бензина от вечно стоящих машин. И крики стрижей, похожие на детский плач.

Катя любила этот город за бесшабашность. Такой уж он есть.

Она шла вдоль ограждения, одной рукой придерживая белую сумку-шопер с портретом Цоя, другой листая ленту новостей. На экране — сообщения от Ани: «Ты где? Я у «Х СОФФЕЕ», уже мороженое доедаю. Твоё растает. Я его съем. Не шучу. Сегодня в кафе «Угадай мелодию. Рванем?»».

Катя набрала: «Бегу. Торможу у скульптур». Врала конечно. Она была у памятника Первостроителям, а это на полкилометра дальше от цели. Телефон завибрировал снова. Аня: «Ты опять в телефоне и не смотришь по сторонам?»».

Катя усмехнулась. Конечно, не смотрит. Зачем? Она знала эту набережную как свои пять порванных джинсов. Каждый шов, трещину в асфальте, скамейку с облезлой краской.

Поворачивала голову к реке. Вода блестела. Китой в этом месте широкий, ленивый. С противоположного берега тянуло гарью — там что-то горело на промке. Катя поморщилась, но не остановилась.

Шаг, второй, третий. Шопер скользнул по плечу. Катя не успела среагировать. Белая ткань с лицом Виктора Цоя сорвалась, описала дугу и с глухим, сочным стуком встретилась с чьей-то ногой.

— Ай! Да блин!

Катя обернулась. Парень согнулся пополам, держась за голень. Он был выше неё. Волосы — тёмные, растрёпанные, как будто он только что встал с дивана. Футболка серая, мятая, с пятном от чего-то непонятного. Джинсы нормальные, но кеды — грязные, разношенные «Converse» с отклеенной подошвой.

Обычный летний псих.

— Ты... — он выпрямился и уставился на неё. В глазах — не боль даже. Веселье. Чистое, бешеное, неадекватное веселье. Черти скачут. — Ты метила мне в голову? Признавайся.

— В голову бы не промахнулась, — авторитетно заявила Катя.

Прозвучало грубее, чем она хотела. Но отступить не стала. Парень хмыкнул. Наклонился, чтобы поднять сумку. И в этот момент его правая нога зацепилась за собственную левую. Непонятно, каким образом.

Он рухнул. Смачно. Плашмя на брусчатку. Кеды отлетели в сторону. Один — под скамейку. Второй — в кусты. Как птицы. Второй, каким-то образом умудрился клюнуть ее под коленом.

Катя замерла. Парень лежал на спине, глядя в небо. Секунду молчал. Потом рассмеялся. Так, как смеются люди, которые привыкли падать. Беззлобно. Даже радостно.

— Отлично, — сказал он, не вставая. — Теперь у нас взаимные травмы.

— У тебя травма — гордость, — ответила Катя. — У меня...

Она посмотрела на свою голень. Под коленом расплывалось красное пятно.

— У тебя синяк, — закончил он за неё. Приподнялся на локтях. Улыбнулся. — Красивый будет. Как Байкал на закате.

— Ты вообще в своём уме?

— Нет, — признался он без тени смущения. — А ты?

Катя открыла рот. Закрыла.

Мимо прошла женщина с коляской. Косо посмотрела на парня, валяющегося на земле, и ускорила.

— Вставай, — зашипела Катя. — Люди смотрят.

— Пусть смотрят. — Он не двигался. — Я жду страховку. Ты меня сбила сумкой. Это статья.

— Это не статья. Не придуривайся!

— А должна бы. — Он наконец сел. Огляделся. — Кеды... где кеды?

— В кустах.

— Отлично. Просто отлично. — Он встал. Отряхнул джинсы. На коленях проступила пыль и зелёное пятно — то ли от травы, то ли от краски со скамейки. — Я их только вчера купил.

— На барахолке?

— А ты наблюдательная. — Он подошёл к кустам, выудил один кед, потом второй. Натянул их на босу ногу. Шнурки завязывать не стал. — Ладно. Твоя сумка.

Он протянул ей белую тряпку с Цоем.

Катя взяла. Их пальцы соприкоснулись на секунду. Ладонь у него была горячая и сухая. Катя отёрнула руку, как от огня. И сама не поняла — почему.

— Спасибо, — выдавила она.

— За что? За падение?

— За сумку.

— А, это. — Он махнул рукой. — Без проблем. Я люблю падать. Гравитация — моя подруга.

— Неудачная дружба.

— Зато верная. — Он улыбнулся. Улыбка, от которой хочется удрать или рассмеяться.

Катя не выбрала. Просто стояла и смотрела.

— Слушай, — добавил он. — А ты всегда сумками кидаешься, или у меня счастливый билет?

— Ты просто стоял не там. И не так. И тебя там раньше не было.

— Я шёл по набережной. В своём направлении. Ты напала сзади.

— Это была случайность.

— Конечно. — Он сощурился. — Я Дима, кстати.

— Я не спрашивала.

— А я сказал. — Он пожал плечами. — Это называется вежливость.

— Это называется наглость.

— Тоже вариант.

Он не обиделся. Вообще. Катя вдруг поняла, что её бесит его спокойствие. И ещё больше бесит то, что она не может отвести взгляд.

— А ты?

— Что?

— Имя. Или мне называть тебя, Сумка-убийца? Шопер выходит на тропу войны?

— Катя.

— Катя, — повторил он, пробуя на вкус. — Подходит. Короткое. Как и твоё терпение, судя по всему.

— С чего ты взял?

— Ты уже три раза сжала кулак. — Он кивнул на её руку. — Прямо сейчас, например.

Катя опустила взгляд. Правый кулак был белым от напряжения. Она разжала пальцы.

— У тебя проблемы с личными границами, — подвела итоги она.

— У тебя — с контролем агрессии. — Он улыбнулся шире. — Мы оба психи. Так и познакомились.

Катя не выдержала. Рассмеялась.

-- Так моя мама говорит. Что я с друзьями – просто психи.

Коротко. Всхлипком.

Дима подхватил её смех. Засмеялся громче. Прохожие начали оборачиваться. На них смотрели как на ненормальных. Может, так и было.

— Ладно, — проворчала Катя, вытирая глаза. — Ты прав. Я тоже не подарок.

— Я так не говорил. Ты подарок. Опасный. С доставкой прямо к ногам заказчика.

— Заткнись.

— Не умею. — Он развёл руками. — Врождённый дефект.

Катя покачала головой. Посмотрела на телефон. Три пропущенных от Ани. Семь сообщений. Последнее: «Я тебя похоронила. Мороженое оплакиваю. И ем».

— Мне пора, — вздохнула Катя.

— Беги. — Дима кивнул в сторону города. — Только смотри, не убей никого по дороге.

— Обещаю постараться.

— Я не просил стараться. Я просил не убивать.

— Мы не настолько близки, чтобы я выполняла твои просьбы.

— А насколько мы близки? — Он прищурился.

В глазах прыгали чертики. Желтые или зеленые. Не разберешь.

Катя не ответила. Развернулась и пошла. Слишком быстро. Чеканя шаг, чтобы не оглянуться.

Она прошла мимо фонтана. Скульптуры «Влюблённые». Девушки с воздушными шарами. Телефон снова завибрировал, но она не смотрела. В голове крутилось одно: «Он псих. Настоящий псих. И я улыбалась. Почему я улыбалась?»

Аня ждала у кафе «Черешня». Столик на улице, два растаявших мороженых в вафельных стаканчиках, лицо каменное.

— Ты — труп, — рявкнула Аня. И сдвинула брови.

— Привет, — ответила Катя. Села. Взяла ложку.

— Где ты была?

— На набережной.

— Я вижу. — Аня наклонилась. — Почему у тебя на джинсах зелёное?

Катя посмотрела вниз. На коленке — зелёное пятно. Откуда?

Потом вспомнила. Когда Дима падал, она присела. Опустилась на корточки, чтобы посмотреть на его кеды в кустах. И не заметила своего зеленого колена.

— Это долгая история, — вздохнула Катя.

— У нас есть время. — Аня сложила руки на груди. — И две порции мороженого.
Почивших во цвете лет.

Катя отправила в рот ложку сладкой жижи. Посмотрела на Китой. Солнце уже клонилось к закату. Вода стала тёмной, почти чёрной.

— Я встретила парня, — мечтательно сказала она.

— Да ну? — Аня приподняла бровь.

— Он упал из-за меня.

— Убился?

— Нет. Встал. Смеялся.

— Станный.

— Очень. — Катя отложила ложку. — Он сказал, что мы оба психи.

— И ты?

— Что?

— Ты согласилась?

Катя промолчала.

Аня посмотрела на неё долгим взглядом. Потом улыбнулась.

— Ну, — сказала она. — Лето только начинается.

Катя кивнула.

За соседним столиком кто-то включил музыку на телефоне. Цой. «Перемен».

Катя поймала себя на том, что смотрит в сторону набережной. Туда, где остался этот парень в грязных кедах. С улыбкой, от которой хотелось смеяться и ругаться одновременно.

— Как его зовут? — спросила Аня.

— Дима, — тихо ответила Катя.

— Запомню, — кивнула Аня. — Для протокола.

Катя снова посмотрела на реку.

Лето в Ангарске. Жарко. Шумно. Пахнет бензином и шашлыками.

И где-то там ходит человек, который умеет падать с улыбкой.

Катя подумала: «Это будет странное лето».

А вдруг, она права?

Глава 2. СОВМЕСТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ

Ключи потерял Сергей.

Дима сообщил об этом только тогда, когда они уже миновали половину набережной. До этого молчал. Шёл рядом, пинал камешки, шурился на солнце, наслаждался собственным молчанием. Катя терпела. Потом терпение лопнуло.

— Это Серёга, — пояснил он. Голос ровный, без намёка на раскаяние. — Вчера напился в «Сытом Еноте». Ключи от квартиры выпали где-то на улице. Сказал, что сам найдёт. Не нашёл.

Катя остановилась так резко, что кеды проскребли по асфальту.

— И ты повёл меня искать чужие ключи?

— А у тебя были другие планы?

Она открыла рот. Закрыла. Планов действительно не было. Совсем. Аня с утра уехала к тётке в Иркутск: «До вечера, если пробки пропустят». Бабушка ушла в поликлинику сдавать анализы, оставив на холодильнике записку: «Кать, не шуми, у меня давление». Катя сидела на лавочке у подъезда, рисовала в помятом блокноте углем колонку с лицом Цоя. А потом просто уткнулась в телефон. Экран погас. Отражение показало растрёпанные кудри, потную переносицу и скупающие глаза.

И тут пришёл Дима.

Откуда взялся — бог знает. Сказал: «Пошли. Тут рядом. Недалеко». И Катя пошла. Вот так просто. Без вопросов и тормозов. Теперь она жалела. Хотя бы немного.

— Ты мог сказать, что ключи не твои, — шипела она, стараясь звучать строго. И страшно. Получилось вяло.

— А ты спросила?

— Я не спросила, чьи ключи! Я спросила: «Куда идём?» Ты сказал: «Погуляем».

— Мы гуляем. — Дима развёл руками. Жест широкий, театральный. — И заодно ищем. Две цели одним махом. Эффективность.

— Это называется не «заодно». Это называется обман.

— Это называется сюрприз. — Он улыбнулся. Уголок рта приподнялся, в глазах мелькнуло бешеное, неадекватное веселье. — Ты любишь сюрпризы?

— Ненавижу.

— Врёшь.

Катя хотела возразить. Но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Она обожала сюрпризы. Спонтанность, внезапные повороты. Моменты, когда город сам решал за тебя. Просто не признавалась. Никому. Даже себе.

Они свернули на улицу Ленина. Главная артерия Ангарска днём всегда гудела, но к вечеру шум менял окраску. Вместо клаксонов и рычания грузовиков появлялся ровный гул шагов прогуливающих, звон электросамокатов, музыка из открытых окон. Запах шашлыков с ближайшего дворика и раскалённого асфальта. До кучи. Катя знала каждый киоск, трещину в плитке. Бабушку, продающую семечки у остановки. Но сегодня город казался другим. Точно его перевернули, встряхнули и собрали заново. Потому что рядом шёл Дима. И был совершенным психом.

Шагал вразвалочку, руки в карманах джинсов, плечи расслаблены. Иногда останавливался, чтобы разглядеть витрину. В одном из магазинов одежды заметил своё отражение в затемнённом стекле. Приосанился, поправил волосы и подмигнул. Идиот.

— Ты сейчас кому подмигнул? — хмуро спросила Катя.

— Себе. — Он не смутился. Даже не моргнул. — Я нравлюсь себе сегодня.

— А в другие дни?

— В другие дни я нравлюсь себе меньше. Но сегодня удачный день. — Он повернул голову. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на глазах. — Я встретил девушку, которая кидается сумками.

— Это было вчера.

— Для меня как сегодня. — Он пожал плечами. — Я медленно перевариваю события.

— Ты медленно всё перевариваешь?

— Только тебя.

Катя закашлялась. Не потому, что подавилась. Воздух вдруг стал густым, а щёки — горячими. Лето! Солнце ещё не село, но уже клонилось к крышам, окрашивая небо в мутно-оранжевые тона. Она поправила лямку шопера. Ткань с Цоем всё ещё пахла пылью и летней грозой.

— Пошли к парку, — кивнул Дима, словно не заметил её замешательства. — Там Сергей точно был.

Парк культуры и отдыха в Ангарске днём казался сонным. Пенсионеры на скамейках перешёптывались, дети ковыряли песок пластиковыми совочками, утки лениво гребли к берегу пруда. Но к вечеру он оживал. У главной аллеи уже стояли колонки, откуда лился негромкий инди-поп. Скейтеры катались по асфальту, оставляя гулкий стук колёс. Парочки тонули в кустах сирени. Запах хлорки из фонтана смешивался с ванилью из киоска и выхлопами проезжающего мимо электробуса.

— Сергей точно вчера был здесь, — пояснил Дима, кивая на воду. — Пил пиво у бортика.

— У фонтана? — Катя прищурилась. — Там же табличка. «Не распивать». И камера висит.

— Не, фонтан далеко. У стеклянного парапета, вроде. Ну и, Сергей не умеет читать. — Дима улыбнулся. — Это его суперсила. Камера не снимает лиц, только спины. Ему повезло.

Они подошли ближе. Вода блестела, ломаясь о бетонные ступени. Дети бегали по краям, матери кричали: «Упадёшь!». Катя обошла участок предполагаемой потери по кругу. Заглядывая под лавки, в щели между плитами, в заросли низкого кустарника. Ничего. Только окурки, фантики и пара потерянных разных серёжек.

— Под скамейки смотрел? — спросила она, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— Нет, — признался Дима. — Я думал, они сами найдутся.

— Ключи?

— Ну да. Вещи иногда находят своих хозяев. Если хозяин правильный.

— Ты идиот?

— Частично.

Он опустил на корточки, заглянул под деревянную скамью. Послышался шорох. Он вытащил что-то из-под доски. Не ключи. Фантик. «Баунти». Засохший, пожелтевший, смятый в комок.

— Райское наслаждение, — прочитал Дима вслух. Вздохнул. — Не для нас.

— Мы и не в раю.

— Ангарск — рай для психов. — Он бросил фантик в урну. Промахнулся. Не стал поднимать. — Ладно. Дальше. Какой ты, такой и город.

Они пошли по аллее. Клены росли криво. Ветви тянулись к небу, будто пытаясь удержать уходящее солнце. Листья шелестели, почти закрывая небо. Катя подняла голову, вспомнила детство.

— Я здесь лазила, — пробормотала она.

— По деревьям?

— По этим. — Она кивнула на старый, потрескавшийся клен. — Залезала на середину, сидела, рисовала.

— Что рисовала?

— Всё. Город. Людей. Собаку соседскую. — Она улыбнулась воспоминанию. — Один раз нарисовала мужика, который спал на лавочке. Он проснулся, увидел, что я на него смотрю. Испугался.

— Испугался? Тебя?

— Ну да. Я была мелкая, вечно в грязи, с кудрями до плеч. Он подумал, что я леший. Или ведьма.

Дима рассмеялся. Смех у него был громкий, раскатистый, без стеснения. Он не пытался его приглушить. Прохожие оглядывались. Девушка с коляской ускорила шаг. Мужчина в мятой рубашке покачал головой. Катя почувствовала желание сжаться, спрятаться. Сделать вид, что не знает этого парня. Но вместо этого она остановилась и смотрела, как он смеётся. Без защиты и масок.

— Пошли к сцене, — сказал он, вытирая глаза. — Там Сергей точно был. Он любит сидеть лицом к пустоте и представлять, что он звезда.

— Кем он работает?

— Неважно. — Дима махнул рукой. — Важно, что он мечтает о славе. И ключи теряет. Два его любимых хобби.

— А ты о чём мечтаешь?

Дима замолчал. Шаг замедлился. Он смотрел под ноги, пинал камешек. Тот катился по асфальту, ударялся о бордюр, останавливался.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Чтобы было весело.

— И всё?

— А чего ещё?

Катя не ответила. Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и настоящий. Она знала, что «весело» — это часто маска. За ней прячется страх остаться одному, стать скучным. Что лето кончится, а ты так и не научился жить без адреналина. Но она не стала копать. Не сейчас, точно.

Они дошли до летней сцены. Деревянная конструкция, краска давно облупилась, доски скрипели под ногами. Летом здесь выступали местные группы: кто-то пел Цоя, кто-то пытался звучать как «Мумий Троль» в 2004-м. А кто-то просто шумел, от чего хотелось заткнуть уши. Сейчас сцена пустовала. На полу валялись окурки, пластиковые стаканчики и забытый медиатор.

— Вот здесь, — сказал Дима, указывая на край подиума. — Он сидел примерно тут. Ноги свесил. Смотрел на фонтан. Пил «Жигулёвское».

Они осмотрели лавки. Заглянули под ступени. Прочесали траву у края. Катя уже хотела сказать, что поиски бесполезны. Ключи давно унесли в ломбард или выкинули в реку, как вдруг заметила блеск под доской сцены. Металлический. Тусклый, пыльный, но видимый.

— Нашла, — вскрикнула она.

Наклонилась. Пальцы нащупали холодное железо. Вытащила связку. Три ключа, тяжёлые, старые, и брелок — пластиковый ёжик с отколотой головой и одним оставшимся глазом.

— Ёжик без головы. Мило.

— Сергей, — вздохнул Дима. — Он всегда теряет ключи. И всегда находит. Но в этот раз нашла ты.

— Значит, я теперь герой?

— Ты была героем ещё до этого.

Дима протянул руку. Катя вложила в неё связку. Пальцы соприкоснулись. На этот раз она не отдернула руку. Кожа у него была шершавой, горячей, с лёгким запахом мыла и летней пыли. Он сжал ключи. Потом спрятал в карман джинсов.

— Ты просто не знала. А я — знал!

Наступила тишина. Наполненная. Город вокруг гудел. Но здесь, у сцены, будто образовался вакуум. Катя слышала своё дыхание. И его. Рядом. Слишком близко.

— Мороженое? — вдруг предложил он. И отступил.

— Где?

— Тут рядом. «Снежная сказка». Ты любишь?

— Люблю.

— А какое?

— Шоколадное.

— Классика. — Он кивнул. — А я люблю пломбир. Потому что я скучный.

— Ты не скучный.

— Правда?

— Ты несносный. Это другое.

Дима рассмеялся. Хлопнул её по плечу. Сильнее, чем нужно. Катя качнулась, едва удержала равновесие.

— Извини, — сказал он, но в голосе не было извинения. Только смех. — Не рассчитал силу.

— У тебя всё всегда не рассчитано.

— Зато весело.

Киоск «Снежная сказка» стоял у выхода из парка, рядом с парковкой электросамокатов. На крыше мигала неоновая вывеска, на стекле — QR-код для оплаты. Продавщица, тётя Зина, знала Катю с детства. Она помнила её ещё в косынках, в школьной форме, с разбитыми коленками. Сейчас она шурилась на экран кассового аппарата, вздыхала, но улыбалась.

— О, Катька, — приветствовала она, вытирая руки тряпкой. — Привела кого-то?

— Это Дима, — коротко ответила Катя.

— Дима? — Тётя Зина прищурилась. Взгляд скользнул по его грязным кедам, мятой футболке, не бритому лицу. — А где тот, с кем ты прошлым летом...

- Нигде, — перебила Катя. Слишком резко. — Два шоколадных и пломбир.
— Шоколадных два? — переспросил Дима, наклоняясь к окошку. — Один тебе. А второй?
— Второй мне тоже. Я два съем.
— Не съешь.
— Спорим?
— Спорить с тобой? — Дима покачал головой. — Нет. Ты психичка. Ты съешь.

Тётя Зина молча достала стаканчики. Бросила их в пакет. Пробыла. Катя приложила телефон к терминалу, услышала короткий писк. Деньги списались. Лето 2026-го шло своим чередом.

Катя взяла пакет. Села на лавочку у края парка. Открыла первый стаканчик. Ложка скользнула по шоколадной глазури. Холод обжёг язык. Она закрыла глаза. Съела. Потом второй. Дима сидел рядом. Плечи почти касались. Он наблюдал. Без комментариев и усмешек. Смотрел, да и все.

- Ты монстр, — утвердительно произнес он, когда она отставила второй пустой стакан.
— Я голодная. И мороженное люблю.
— Ты опасная.

Катя улыбнулась. Вытерла губы тыльной стороной ладони. У неё на переносице осталось пятно шоколада. Дима показал на своё лицо.

- У тебя тут, — подсказал он.

Катя провела пальцем. Не попала. Размазала ещё сильнее.

Дима вздохнул. Потянулся рукой. Без предупреждения. Большим пальцем провёл по её носу. Аккуратно. Кожа на его подушечке была шершавой, тёплой. Он убрал руку слишком быстро. Как будто обжёгся.

- Всё, — сказал он. — Чисто. Честно.
— Ну, спасибо, — выдохнула Катя. Голос дрогнул. Она не стала это скрывать. С чего бы?

Они сидели в парке. Смотрели на людей. Солнце садилось за крыши домов. Включились фонари. Свет был жёлтым, тусклым. С мотыльками, которые бились в стёкла. Воздух остывал. Пахло хвоей, пылью и далёким дождём. Стало слышно, как шумят высокие сосны.

- Аня, наверное, уже вернулась, — сказала Катя.

— Хочешь уйти?

— Не знаю.

— А я знаю. — Дима встал. Протянул руку. Ладонь вверх. Открытая. — Пошли. Провожу.

Катя посмотрела на его протянутую руку. Потом на лицо. Он не торопил и не настаивал. Ждал. Она вложила свою ладонь в его. Сама. Не подумав. Пальцы переплелись. Тепло передалось мгновенно. Как ток и обещание. Глупо. Но классно!

Они вышли из парка. Прошли мимо фонтана, где воду уже выключили. Мимо автобусной остановки, на экране мигало расписание маршрутов. Мимо магазина «Всё для дома», на витрине стояла розовая ванна с золотыми ножками. Дима молчал. И Катя молчала. Но руку он не отпускал. Не хотел. А она не могла. Или тоже не хотела. Как знать.

Дошли до её дома. Девятиэтажка из серого кирпича, подъезд пах кошками, старым деревом и капустой. На стене кто-то нарисовал мелом солнце и написал: «Лето не кончается!» Катя усмехнулась.

— Пришли, — сказала она.

— Ага, — подтвердил Дима.

Он не отпустил её руку. А она не отпустила его. Так они стояли минуту. Может, две. Ветер шевелил кудри у неё на лбу. Он смотрел на неё. Она на него. В глазах не было вопросов. Только странное понимание. Тихое. Точное.

— Завтра что делаешь? — спросил он наконец.

— Ничего, — честно ответила Катя.

— И я ничего. — Он улыбнулся. Улыбка стала другой. Мягче. Тише. — Может, сделаем что-то вместе?

— Например?

— Не знаю. Найдём приключения. Мы не видели, чтобы вместе, железную птицу, машущую крыльями. Не слышали, как бьют куранты. Или что-то потеряем. Снова будем искать.

— Ключи больше терять не буду, — сразу отказалась Катя.

— Потеряем что-нибудь другое. — Он отпустил её руку. Пальцы скользнули. Остались пустыми. — Спокойной ночи, психичка.

— Спокойной ночи, псих.

Катя толкнула дверь подъезда. Вошла. Не обернулась. Но на втором пролёте, где краска на стене облупилась буквами «З», она остановилась. Прижалась спиной к холодной стене. Сердце колотилось. Ритм сбился. Ладонь всё ещё чувствовала его тепло. На переносице горело место, где был его палец.

Она достала телефон. Экран погас. Отражение показало растрёпанные кудри, горящие щёки и улыбку, которую она не планировала. В голове крутилось: «Мама бы сказала, что мы психи. И, была бы права».

Лето в Ангарске только начиналось. А Катя улыбалась сама себе. Может она и психичка, но это будет странное лето. Может быть, самое удивительное из всех.

Глава 3. МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

Кот был рыжим. И глупым. Катя поняла это за три секунды.

Он сидел на сосне у ТЦ «Фестиваль». Орал так, будто его не просто резали, а делали это медленно и с наслаждением. Прохожие площади 40-летия Победы останавливались. Курьеры на электросамокатах резко тормозили, роняя коробки с едой. Кто-то смеялся, кто-то уже тянулся к телефону, чтобы вызвать МЧС или снять видео для местных пабликов. Воздух дрожал от июльской духоты. Асфальт плавился, лип к подошвам. Пахло раскалённой пылью, бензином и сладковатым дымком от шашлычной у перекрёстка.

Катя стояла на краю тротуара, прищурившись. Рядом, как из-под земли, возник Дима. Он пришёл после её сообщения: «ТЦ Фестиваль. Срочно. Жизнь висит на волосе». Не уточнила чьей. Зачем.

— Ты когда-нибудь спасала кота? — спросил он, глядя наверх. В уголках губ уже плясала знакомая искра.

— Нет, — ответила Катя. Сбросила сумку-шопер ему на руки. — Держи.

— А я?

Возмутилась Аня, которая стояла на полшага позади. Вернулась из Иркутска ещё утром, успела выспаться, накрасить губы и рассердиться. Теперь смотрела на эту сцену с выражением человека, который уже жалеет о своём участии.

— Ты — группа поддержки, — отрезала Катя, не оборачиваясь.

— Я — нянька с сумкой?

— Самая лучшая.

Катя уже шла к сосне. Кеды шлёпали по нагретому асфальту. В кармане завибрировал телефон: предупреждал о грозе. «Осадки 80%. Температура снижается. Постарайтесь найти укрытие». Она свайпнула уведомление пальцем. Лето в Ангарске не спрашивает разрешения. Оно просто приходит. И точка.

Дима догнал её в два шага.

— Ты серьёзно? Залезешь?

— А ты предлагаешь стоять и слушать, как он орёт?

— Я предлагаю подождать.

— Кого?

— Его. Слезет сам. Коты — существа самостоятельные.

Катя подняла голову. Кот посмотрел вниз. В его зелёных глазах не было страха. Была чистая, животная, бессмысленная паника. Он вжался в ствол, когти скребли по коре, уши прижались к черепу. Ветер уже поднимался. Пока тёплый, порывистый. Нёс с собой первые капли. Крупные, тяжёлые, пахнувшие озоном и пылью.

— Не слезет, — вздохнула Катя. — Он идиот.

— Как и мы, если полезем, — поддержал Дима.

— Мы психи. Нам можно.

Дима засмеялся. Спорить не стал. Он вообще редко спорил по-настоящему. Чаше подыгрывал, подкидывал дров в огонь. Смотрел, как разгорается.

Ствол был старым, советским еще. И таких дураков уже повидал на своем долгом деревянном веку. На темной коре застыли янтарные пятна. Когда-то Катя с друзьями их жевали. Называлась, смолка. Мелкие психи. Внизу — лужа, в которой уже отражалось небо. Сверху — кот. И дождь, который начался мелкой водяной пылью, но уже набирал силу.

— Лестницы нет, — констатировал Дима, оглядываясь.

— Есть скамейка и вон там, чуть дальше, мусорный контейнер, — кивнула Катя на зелёную металлическую конструкцию у клумбы с бархатцами.

— Скамейка низкая. И чугунные ножки прикручены. На века. Я не выдеру ее.

— И не надо. Контейнер тащи. Ты высокий. Справишься.

— Ты хочешь, чтобы я залез?

— Я хочу, чтобы мы его сняли.

Дима посмотрел на неё. Потом на сосну. Следом на кота, который уже начал метаться. Взмахнул рукой.

— Ладно. Давай.

Они подтащили контейнер к скамейке. Металлический, крашенный, с прогнувшимися планками, скрипел под весом. Дима встал первым. Расставил ноги, уперся спиной в ствол. Катя шагнула на него. Сначала на бедро, потом выше. Руки искали опору. Пальцы нашли ткань его футболки. Мокрую от первых капель. Тёплую, пахнущую мылом и чем-то древесным.

— Ты удержишь меня? — переспросила она, пытаясь звучать уверенно.

— Удержу.

— За что?

— За ноги. — Его ладони сомкнулись чуть выше её колен. Кожа к коже. Катя вздрогнула. Не от холода. От прикосновения. Оно было слишком точным и уверенным. Точно, он делал это не первый раз. И плевал на ее контроль.

— Не дёргайся, — добавил он тихо.

— Ты не предупредил.

— А надо было?

Она не ответила. Пришлось бы признать, что ей не противно. Совсем наоборот. Внутри что-то дрогнуло, сдвинулось, пошло не по плану. Она потянулась к коту.

Тот зашипел. Звук был низким, вибрирующим, полным угрозы. И глаза запылали сумасшедшинкой.

— Тише, дурак, — прошептала Катя. И потянулась еще. — Я тебя спасаю.

Кот не оценил. Он вцепился в сосну когтями. Спина выгнулась, шерсть встала дыбом. Заорал громче. Дождь усилился. Капли барабанили по козырьку киоска, стекали по лицу Кати, забирались под футболку. Одежда прилипла к спине.

— Не получается? — крикнул снизу Дима. Голос пробивался сквозь шум.

— Он не даётся. Шипит. И глазами сверкает.

— Погладь.

— Чем?

— Рукой.

— Он укусит.

— А ты быстро.

Катя глубоко вдохнула. Воздух благоухал грозой, пылью и чем-то живым. Протянула руку. Кот класнул зубами в сантиметре от пальцев. И плюнул. Слюна брызнула на запястье. Она не отёрнула. Сделала ещё шаг. Скамья под ногами Димы скрипнула. Очень угрожающе! Он подался вперёд, упираясь плечами в дерево, чтобы удержать равновесие. Их лица оказались близко. Слишком близко. Она видела капли на его ресницах. Как дрожит его нижняя губа, когда сжимает зубы от усилия. Дыхание смешалось. Сбивчивое, на грани.

— Дима, — объясняла она спокойно, не отводя взгляда. — Если я сейчас упаду и сломаю шею, ты будешь виноват.

— Я сяду в тюрьму за убийство?

— За доведение, до самоубийства.

— Это не статья.

— Будет. Я напишу в завещании.

Он хрипло рассмеялся. Смех отдался вибрацией в его руках. Которые всё ещё держали её за ноги. Так-то. Катя сделала ещё одну попытку. На этот раз не тянулась. Просто открыла ладонь. Медленно. Пальцы расслабила. Жест без требования и угрозы. Кот перестал шипеть. Посмотрел. Его зрачки расширились. И вдруг он сам шагнул. Взял и шагнул. Прямо к ней на руки. Когти впились в ткань, но не в кожу. Тело обмякло. Стало тяжёлым.

— Есть, — выдохнула Катя. Голос сорвался. Она прижала кота к груди. Тот теперь вцепился в футболку когтями. Прямо в портрет Цоя. Теперь у Виктора на лице будут царапины. Как шрамы.

— Слезаем, — скомандовала она.

Дима помог ей спуститься. Движение было неловким, быстрым, полным внезапных сдвигов. Она оказалась на земле. Мокрой. Скользкой. С котом на руках. И поняла, что Дима всё ещё держит её за талию. Зачем-то. Хотя она уже стояла твёрдо на земле. Лужи хлюпали под кедами. А дождь лил стеной.

— Отпусти, — велела она. Указание, не просьба.

— А если упадёшь?

— Не упаду.

— А кот?

— Кот тоже.

Он не отпустил. Секунду. Две. Три. Пальцы слегка сжались, проверяя реальность. Потом убрал руки. Тепло осталось. На коже, под мокрой тканью, на рёбрах.

Аня стояла в стороне с сумкой и смотрела. Лицо каменное, но в уголках глаз плясала насмешка.

— Вы такие милые, — сладким голоском пропела она. — Просто тихий ужас. Вы психи. Оба. Зачем вы туда поперлись?! А если бы вы свалились?! Фиг с ним, с котом!

— Заткнись, — ответила Катя без злости.

Голос хрипел от дождя или чего-то другого. Кот замурчал. Звук был низким, вибрирующим, идущим из глубины кошачьей души.

— Серьёзно? — Катя опустила взгляд. — Ты только что орал как резаный. А теперь мурлычешь?

Кот мурлыкал громче. Тёрся мордой о её мокрое плечо, оставляя рыжие шерстинки на белой футболке.

— У него истерика, — предположил Дима. Вытирал лицо ладонью. Волосы слипались, капли катились по шее. — Или любовь с первого взгляда.

— К кому?

— К тебе.

Катя покраснела. Сказала себе, что это от перепада температур. Адреналина. И всего сразу. Но знала, что врёт.

Дождь уже шёл нормально. Не водяная пыль, а настоящий летний ливень. Серый, тёплый, с крупными каплями, оставляющими круги в лужах. Смывающими пыль с асфальта, барабаниющими по козырькам киосков. Воздух становился чистым, острым, пахнущим хвоей, мокрой землёй и озоном.

— Надо спрятать кота, — решила Катя. И прижала его крепче.

— Спрятать или спасти? — уточнил Дима. Шагнул близко, заслоняя от ветра.

— И то, и другое.

— Он выглядит сытым.

— Он выглядит напуганным.

— Ты выглядишь мокрой.

— Ты тоже.

Они стояли друг напротив друга. Мокрые. Смешные. С котом, который уже совсем освоился и спал, свернувшись калачиком на её руках. Аня вздохнула. Звук был долгим, усталым. В нём не было раздражения. Только принятие.

— Вы как дети, — пожаловалась она. — Пошли в кафе. Там высохнем. Коту купим сосиску.

— В кафе не пустят с котом, — возразил Дима.

— Пустят, если он будет в сумке.

— Он вылезет.

— А ты не дашь. Следить будешь.

Спорить было бесполезно. Аня уже шла в сторону «X COFFEE», перепрыгивая через лужи. И зонтом не пользовалась. Катя и Дима переглянулись. В его глазах плясали те самые черти. Жёлтые или зелёные. Не разберешь.

— Идём? — спросил он.

— Идём.

Кафе «X COFFEE» встретило звоном колокольчика над дверью. Теплом, запахом корицы, жареного лука и свежей выпечки. Кондиционер гудел, выгоняя влажность. За соседним столиком расположилась семья с ребёнком лет пяти. Тот смотрел на кота, высовывающего голову из сумки, и тыкал пальцем.

— Кыса, — выдал ребёнок. Звонко, без сомнений.

— Кот, — поправила Катя. Села у окна. Стекло было запотевшим, снаружи мир превратился в размытые акварельные пятна.

— Кыса, — укоризненно повторил мальчик.

— Ладно. Кыса, — сдалась Катя. Улыбнулась сама себе.

Дима сел, напротив. Так, что их колени почти касались под столом. Аня — рядом, как надзиратель, уже листала меню на планшете. Официантка подошла быстро. Молодая, с усталыми глазами и аккуратным пучком. Из которого выбились мокрые пряди. На фартуке — QR-код для чайевых.

— Что будете? — спросила она.

— Три капучино, — заказала Аня, не отрываясь от экрана. — И сосиску для кота. Варёную. Без специй.

Официантка посмотрела на сумку. Потом на Аню. Следом на Катю. В её взгляде читалось: «Опять психи. Что за день».

— Животное?

— Это кот, — ответил Дима. Сел ровнее, расправил плечи. — Он только что был спасён с вековой сосны. Операция уровня «Миссия невыполнима».

Официантка моргнула. Вздохнула.

— Сосиску принесу. Но чтобы не орал. И не драл скатерть. И вообще, ничего не драть.

— Он не орёт, — заверила Катя. — Он теперь мурлычет. Это его режим сна.

Официантка ушла. За столиком повисла тишина. Только стук приборов, гудение кондиционера, шелест дождя за стеклом.

Аня наклонилась к Кате. Тихо, но отчётливо проговорила.

— Ты сейчас покраснела.

— Нет.

— Да. Когда он держал тебя за талию.

— Я не краснела.

— Ты была пунцовой. Как помидор.

— Это от дождя. Перепад температур.

— От дождя не краснеют. От дождя бледнеют.

Катя хотела ответить, но не успела. Дима перебил. Без намёка на шутку.

— Она краснеет, когда я рядом, — утвердительно сказал он. Посмотрел на Катю. И не отвел взгляд. — Это нормально. Чувствует родственную душу. И тянется.

— Это не нормально! — выпалила Катя. — И не тянись! Я что, того?

Слишком громко и резко. Две женщины за соседним столиком обернулись. Ребёнок снова сказал: «Кыса». Официантка, проходившая мимо, покачала головой.

— Вот именно, — Дима улыбнулся. Доброжелательно, с пониманием. — Мы же психи.

Аня закатила глаза. Принесли кофе. И сосиску на блюде, аккуратно нарезанную. Кот вылез из сумки, схватил кусок зубами и утащился обратно. Урча так, что вибрировала столешница.

— Он с характером, — заметил Дима. Пил кофе медленно, наблюдая за Катей поверх чашки.

— Как ты, — ответила она. Отпила. Горячо. Обожгла язык. Не поморщилась.

— Я не кот.

— А кто?

— Я псих. Мы уже выяснили.

Катя отставила чашку. Ладонь всё ещё помнила его пальцы на талии. Тепло, давление, уверенность. Ей хотелось убрать руку под стол. Спрятать. Но она оставила на столе. Рядом с его. Пальцы почти касались. Расстояние в сантиметр. Провокация. Или приглашение. Ой, да! Или одно из двух!

Дима смотрел на неё через стол. Не отводил взгляд. Катя чувствовала. Хотелось посмотреть в ответ. И не хотелось. Не смогла бы отвернуться. Потому что внутри всё уже решено. Осталось только признать.

— Чего ты уставился? — спросила она. Голос сердитый, но какой-то беззащитный. Вот псих!

— Думаю.

— О чём?

— О том, какая ты странная.

— Сам странный.

— Я знаю. — Он кивнул. — Но я хотя бы признаю. А ты нет.

— Признаю.

— Тогда скажи.

— Что сказать?

— Что ты тоже псих.

Катя молчала. Дождь за окном стихал. Капли скатывались по стеклу, оставляя мокрые дорожки. Кот доел сосиску и заснул в сумке, свернувшись в рыжий клубок. Аня делала вид, что читает меню, но пальцы уже не листали экран. Она ждала. Тоже. Сговорились они, что ли?

— Ладно, — неохотно протянула Катя. Вдохнула. Выдохнула. — Я псих.

— Громче.

— Я псих! — Голос сорвался. И пусть.

Но она не пожалела. Две женщины за соседним столиком обернулись. Ребёнок снова сказал: «Кы-са». Уже на много уверенней. Официантка покачала головой. Но Кате было всё равно. Впервые за долгое время было всё равно, что подумают другие.

Дима рассмеялся. От души. Катя сначала хотела обидеться. Потом поняла, что не может. Смех у него был заразительный. Как у ребёнка. Глупый. Обезоруживающий. Она тоже засмеялась. Плечи дрогнули. Ладонь сама сдвинулась ближе. Пальцы коснулись его. Намеренно.

Аня отложила меню. Экран погас.

— Ну всё, — решительно сказала она. Встала. — Я ухожу.

— Куда? — спросила Катя. Моргнула. Ещё смеялась.

— Домой. Вы тут без меня справитесь. У вас своя тусовка. Для психов. Я лишняя.

— Аня...

— Не Анькай. — Аня наклонилась, поцеловала Катю в макушку. Волосы были мокрыми, пахли дождём и кофе. — Ключи от квартиры у тебя?

— Да.

— Тогда не потеряйся. И не убей его. Он мне нравится. Такой, вполне приличный псих. Летний.

Она кивнула Диме. Тот кивнул в ответ. Без слов. Понимание прошло между ними мгновенно. Аня вышла. Дверь хлопнула. Колокольчик звякнул.

Стало тихо. Только гудение холодильника, дыхание кота, стук капель по карнизу.

— И что теперь? — спросила Катя. Не вопрос. Предположение.

— Не знаю, — ответил Дима. Откинулся на спинку стула. — Я обычно не планирую.

— А я планирую.

— Врёшь.

— Правда.

— Тогда спланируй, что мы делаем дальше.

Катя задумалась. В голову ничего не лезло. Ничего, кроме того, что Дима рядом. Мокрый. В футболке, которая облепила плечи, показывая линию мышц. С каплями воды в волосах. И глазами, которые смотрят и видят её насквозь. Принимают.

— Может, погуляем? — предложила она.

— На улице мокро.

— Ну и что?

— Ты замёрзнешь.

— А ты согреешь.

Сказала и испугалась. Слишком честно и прямо. Без сарказма.

Дима не ответил. Потом медленно протянул руку через стол. Положил ладонь рядом. Ждал.

Катя не пошевелилась. Секунду. Две. Вложила свою ладонь в его. Холодную от дождя. Дрожащую. Он сжал. Не сильно, но уверенно.

— Тёплая? — спросил он.

— Не очень.

— А так?

Он сжал сильнее. Провёл большим пальцем по её костяшкам. Жест был домашним. Но от него внутри всё перевернулось. Кто-то взял, и включил свет в тёмной комнате.

Катя кивнула. Не могла говорить. Горло сжалось. Они сидели в кафе. Держались за руки. Кот спал в сумке. За окном солнце пробивалось сквозь тучи. Лучи падали на мокрый асфальт, превращая лужи в зеркала.

— Знаешь, — сказала Катя тихо. И не узнала свой голос. — Я никогда не верила в эти глупости.

— Во что?

— Ну. — Она кивнула на их руки. — В это. В то, что бывает само. Без плана и страховки.

— А теперь?

— Не знаю.

— Хочешь честно? — спросил Дима. Пальцы не отпускал. — Я тоже не знаю.

Он отпустил её руку. Откинулся на спинку стула. Вздохнул.

— Но мне интересно, — добавил он. Смотрел прямо в глаза. — Что будет дальше.

Катя посмотрела на него. Поняла, что улыбается. Лицо расслабилось. Плечи опустились. Внутри что-то щёлкнуло. Замок открылся.

— Ладно, — проворчала она. Встала. Закинула сумку с котом на плечо. — Пошли.

— Куда?

— Гулять. Психам дождь не помеха.

Дима встал следом. Кресло скрипнуло. Он поправил футболку, провёл рукой по мокрым волосам, усмехнулся. Они вышли из кафе. Колокольчик прощально звякнул.

Дождь кончился. Асфальт блестел, отражал небо, облака, силуэты прохожих. В воздухе пахло сыростью, цветами с клумбы, мокрым деревом и чем-то новым. Город перезагрузился.

— Смотри, — указал Дима. Поднял голову, махнул рукой.

Радуга. Огромная. Яркая. Дуга, опирающаяся концами в крыши ангарских пятиэтажек со старыми мозаиками. Отражаясь в вывесках магазинов, и даже на шпилях старых зданий. Она висела над площадью, чистая. Невозможная, как обещание. Счастья или чего-то еще. Незвестного и прекрасного.

— Это знак, — твердо сказал Дима. Сам такой серьёзный.

— Чего?

— Что мы всё правильно делаем. Или что мы оба окончательно слетели с катушек.

Катя засмеялась.

— Ты веришь в знаки?

— Когда они красивые — да. — Он повернулся к ней. Улыбка вернулась. Знакомая. Бешеная. — А ты?

— Верю, когда они появляются после ливня, — ответила она. Шагнула ближе. Плечи почти коснулись. — А до этого — сомневаюсь.

— Это нормально. — Он кивнул. — Психи всегда сомневаются. Пока не сделают.

Они пошли по мокрой улице. Кот в сумке. Вода хлюпала под кедами. Солнце вылезало из-за туч, грело спины, сушило волосы. Катя шла и чувствовала, как внутри всё переворачивается. От этого дня. И парня. От того, что он держал её за руку в кафе. А она не убрала руку, первая.

— Дима, — спросила она. Не останавливаясь.

— Что?

— Ты правда думаешь, что из нас что-то выйдет?

Он остановился. Повернулся к ней. Посмотрел серьёзно. Без игры. Ветер шевелил мокрые пряди у него на лбу. Капля скатилась по щеке.

— Не знаю, — ответил он. Честно. — Но мне хочется узнать.

Катя кивнула. Больше ничего не спрашивала. Ответ уже был. В воздухе, лужах, радуге. В его глазах. Черт возьми! Они пошли дальше. Радуга медленно таяла в небе, растворяясь в облаках. День клонился к вечеру. Город снова шумел. Жил. Дышал. А они шли рядом. Мокрые. Смешные. Психи. И это было нормально.

Мама бы обязательно сказала, что они психи. И она была бы права. Но иногда психи — это просто те, кто не боится идти под дождём без зонта. Вместе. Правда же, псих? Мой.

Глава 4. ВЕЛОПРОБЕГ И ЛЕТНИЙ ПАРК

Катя не умела ездить на велосипеде.

Ну, то есть технически умела. Педали крутились, руль поворачивался, тормоза срабатывали. Но делала она это так, будто от каждого движения зависела её жизнь. Пальцы впились в резиновые грипсы до белых костяшек. Спина вытянута в струну. Шея напряжена, взгляд прикован к асфальту в полуметре от переднего колеса. Она не поворачивала голову. Не отвлекалась. Дышала коротко, рвано, как после стометровки.

Дима узнал об этом через пять минут после старта. Он поравнялся, слегка наклонился к ней. И его голос пробился сквозь шелест шин и далёкий гул города.

— Ты как робот, — мягко заметил он. — Прямая спина, руки в струнку. Расслабься.

— Я расслаблена, — прорычала Катя, не разжимая челюсти. Голос получился сдавленным, выжатым через фильтр.

— Ты сейчас откусишь руль.

— Не откушу.

— А выглядит именно так. Если бы у велосипеда были чувства, он бы уже подал на тебя в суд за жестокое обращение. Или домогательства.

Катя промолчала. Сжала грипсы ещё сильнее. Велосипед был прокатным, арендованным через приложение на телефоне. Чёрный, тяжёлый, с широкими покрышками и потёртым сиденьем. Катя выбрала его первой, чтобы не ждать. Теперь жалела. Но отступить было поздно. Они уже ехали по новой велодорожке за ТЦ «Метелица». Асфальт был гладким, с чёткой белой разметкой, разделённой на две полосы. Летом здесь всегда людно. Мамы с детьми в шлемах, пенсионеры с треккинговыми палками, подростки на электросамокатах. Все рассекали воздух с невозмутимыми лицами. Сегодня к ним добавились они — немножко психи.

Аня ехала впереди. Спокойно. Уверенно. Без рук. Жевала жвачку, иногда оглядывалась через плечо, поправляла солнечные очки и усмехалась.

— Вы где там застряли? — крикнула она, когда Дима и Катя отстали метров на десять.

— Догоним! — крикнул Дима. Послал ей воздушный поцелуй левой рукой, правой держа руль.

— Ты сначала её расслабь, — Аня кивнула подбородком в сторону Кати. — А то она сейчас руль вырвет с корнем. Или сама от напряжения треснет.

— Не вырву, — буркнула Катя. Но пальцы дрогнули.

Сергей ехал сзади. Молчал. Он вообще был молчаливым человеком. Тихий, наблюдательный, с вечной лёгкой ухмылкой в уголках рта. Катя долго не понимала, почему Дима дружит с таким тихим, почти невидимым парнем. Потом поняла. Потому что Сергей был громотводом. Когда Дима заводился, его импульс выходил из берегов, Сергей просто стоял рядом. Остужал. Словом. Или просто молчанием, которое работало лучше любых криков. Сейчас он молчал. И это работало. Катя чувствовала его присутствие спиной, как тихий якорь в потоке адреналина.

Они свернули в парк.

Парк культуры и отдыха в Ангарске летним днём казался выжженным. Жарко. Пыльно. Воздух дрожал над раскалённым асфальтом. Лавочки нагревались так, что сесть на них без подкладки было невозможно. Но к вечеру всё менялось. Жара отступала, поднимался лёгкий ветерок с реки, приносящий запах хвои, мокрой земли и далёкого дыма. Появлялись уличные музыканты с колонками на тележках. Продавцы сахарной ваты, чьи карусели крутились с гипнотическим жужжанием. Дети с мыльными пузырями, которые лопались в воздухе, оставляя на языке привкус мыла. Сейчас был именно такой вечер. Золотистый, тягучий, пахнувший свободой.

— Давай к фонтану? — предложила Катя, поворачивая голову. Шея хрустнула. Неблагодарная.

— Давай, — согласился Дима. — Только там ступеньки. У бордюра.

— Объедем.

— Ты объедешь.

— А ты?

— Я перепрыгну.

— Не перепрыгнешь.

— Спорим?

Катя не ответила. Потому что поняла: он не шутит. В его глазах уже плясали те самые чёрти, которые заставляли её одновременно хотеть, ударить и смеяться.

Дима отъехал назад на пару метров. Набрал скорость. Педали крутились ритмично, колесо гудело над асфальтом. Катя зажмурилась на секунду, когда он поравнялся с бордюром. Звук отрыва от земли был коротким, сухим. Затем — глухой стук приземления. Он не приземлился чисто. Заднее колесо чиркнуло по камню, велосипед дёрнулся. Дима вжался в руль, колени согнулись, но он удержал равновесие. Покатил дальше. Живой. Целый. С широкой, победной улыбкой.

— Псих, — выдохнула Катя.

— А ты сомневалась? — крикнул он, не сбавляя хода.

Она догнала его. Обогнала. Не потому, что хотела обогнать. Просто не заметила, как разжала пальцы. Перестала смотреть на асфальт. Нажала на педали сильнее, чувствуя, как скорость входит в тело. Как ветер начинает рвать волосы, а страх растворяется в движении. Руль в её руках трясся, но Катя не сбавляла. Она ехала. Буквально неслась.

Ветер бил в лицо. Волосы лезли в глаза, прилипали к губам, солёным от пота и летней пыли. Она откинула голову. И вдруг — засмеялась. Истерично. И счастливо. Звук вырвался сам, без разрешения и контроля. Как вырывается пар из кипящего чайника.

Дима поравнялся.

— Что с тобой? — участливо спросил он, но в голосе не было вопроса. Только восхищение.

— Не знаю! — крикнула она в ответ. — Сама не знаю!

— Вы оба психи! — крикнула Аня из хвоста, лавируя между двумя подростками на самокатах.

— Знаем! — крикнул Дима. И рассмеялся.

Они доехали до фонтана. Спешились почти одновременно. Велосипеды звякнули подставками. Катя тяжело дышала. Грудь вздымалась, рёбра ныли от непривычного напряжения. Ноги дрожали, колени гудели. Ладони горели, на коже остались красные следы от грипсов. Она провела пальцами по лицу, вытирая пот, и посмотрела на Диму. Он стоял рядом, опираясь на руль, футболка прилипла к спине, волосы растрёпаны ветром, глаза блестели.

— Ты молодец, — похвалил он. Тихо. Без подкола.

— Я чуть не врезалась в дерево, — хвасталась Катя хриплым голосом. — На повороте у клумбы.

— Но не врезалась.

— Чудом.

— Чудом или мной. — Он улыбнулся. — Я подстраховал. Когда ты виляла, я был в полуметре. Держал дистанцию.

Катя не заметила. Но поверила. Потому что в этом была правда. Он не отпускал. Не давал упасть. Просто был рядом.

Она села на ближайшую скамейку. Дерево было тёплым от дневного солнца, пахло старой краской и пылью. Дима сел рядом. Не близко. Но и не далеко. Так, что их плечи почти каса-

лись. Аня и Сергей остановились чуть поодаль, у урны. Аня достала телефон, листала ленту, делая вид, что занята. Но Катя знала: она наблюдает. И улыбается. Сергей просто стоял, руки в карманах. Смотрел на воду, которая билась о бетонные ступени фонтана.

— Хочешь воды? — спросил Дима.

— Хочу.

Он встал. Подошёл к киоску у входа в парк. На стекле мигал QR-код для оплаты. Он приложил телефон, услышал короткий писк, забрал две бутылки. Вернулся.

— Держи.

Катя взяла. Пластик был тёплым. Вода внутри нагрелась на солнце. Она открыла крышку, сделала глоток, но пить не стала. Почему-то. Просто вертела бутылку в руках, глядя на этикетку, на капли конденсата, которые уже не образовывались.

— Ты чего? — удивился Дима.

— Не знаю. — Она подняла глаза. — Задумалась.

— О чём?

— О том, как быстро всё меняется.

— Что именно?

— Ну. — Она посмотрела на него. В зрачках отражались огни фонтана. — Три дня назад я тебя не знала. Сидела дома, рисовала углём. Ждала, когда лето закончится. А сейчас мы ездим вместе на велосипедах. Спасаем котов с огромных сосен. Делимся мороженым. Спорим из-за ежа без головы.

— Это плохо?

— Нет. — Она покачала головой. Кудри скользнули по плечам. — Это странно. Непривычно. Будто я живу не свою жизнь, а чужую. Ту, которую придумала для кого-то другого.

— Странно — это нормально. Для нас.

— Для психов?

— Для психов. — Он кивнул. — Мы же договорились. Мы не обязаны быть нормальными. Тебе разве мама не говорила?! Нормальные скучные. Они планируют отпуск за полгода, проверяют погоду перед выходом из дома, не прыгают через бордюры. А мы — живём. Мы — психи! Это звучит гордо.

Катя улыбнулась. Наконец отпила воды. Она была тёплой, почти горячей. Но ей показалось, что это лучший напиток в мире.

— Фу, — сказала она всё же.

— Тёплая?

— Кипяток.

— А я люблю. — Дима отпил из своей бутылки, запрокинув голову. Капля скатилась по подбородку. — Горло греет. Как чай.

— Ты странный.

— Я псих. Мы уже выяснили.

Они сидели на скамейке. Солнце садилось за верхушки тополей, окрашивая небо в оттенки персика и фиолетового. Фонтан работал, вода блестела, ломаясь о бетон. Дети бегали вокруг, брызгали друг друга, кричали. Какой-то мальчик уронил мороженое в вафельном стаканчике и заорал. Мать его успокаивала, вытирала руки салфеткой, что-то бормотала.

— Смотри, — сказал Дима. — Жизнь.

— Кого?

— Всех. — Он обвёл рукой парк. Жест был широким, включающим многое. — Люди гуляют. Смеются. Ругаются. Целуются. Живут. Без сценария и страховки.

— А мы?

— А мы — часть этого. Не больше, но и не меньше.

— Ты философ?

— Я просто Дима. Который псих. Иногда смотрит по сторонам.

Катя засмеялась. Звук был лёгким, летящим. Она почувствовала, как внутри что-то разжимается. Узел, который она носила годами, ослабевал. Не потому, что проблемы исчезли. А потому, что рядом был человек, который не требовал от неё быть другой.

Аня подошла к ним. Тени сгустились. Фонари вдоль аллеи щёлкали, загораюсь жёлтым светом.

— Ну что, герои? — спросила она. — Скоро стемнеет. Парк закрывается для велопогулок. Камеры включают.

— И что? — спросил Дима.

— И надо разъезжаться. Бабушка Кати, наверное, уже звонит. Сергей, я тебя довезу?

— Да, — коротко ответил Сергей. Подошёл ближе. Кивнул им обоим. Без слов. Просто по-человечески.

Аня махнула рукой на прощание. Сергей поправил шлем. Их шаги затихли за поворотом аллеи.

Остались вдвоём. Два психа.

Фонтан шумел. Лавочка была тёплой от дневного солнца. Катя чувствовала это тепло через ткань джинсов. Оно впитывалось в кожу, растекалось по бёдрам, успокаивало дрожь в ногах.

— И что теперь? — спросила она.

— Можем ещё покататься.

— Темно уже.

— А мы включим фары.

— У меня нет фар.

— У меня есть. На руле. Поедешь за мной. Будешь видеть мой свет.

Катя подумала. О том, что бабушка скажет: «Ты где шляешься, уже девятый час». Подумала о том, что завтра на работу, отчёт, дедлайн. Что это глупо — кататься в темноте по неосвещённому парку, где дорожки петляют, корни деревьев вылезают на асфальт, а тени кажутся длиннее, чем нужно.

— Давай, — согласилась она. Ну, а что?!

Они сели на велосипеды. Дима нажал кнопку на руле. Маленький белый кружок света вырвался из темноты, прыгнул на асфальт. Выхватил трещины, опавшие листья, следы шин.

— Держись за мной, — указал он. Голос стал серьёзнее.

— Держусь.

Она не держалась. Но ехала следом. Метр в метре. Колесо к колесу. Педали крутились в ритме его дыхания.

Парк опустел. Только редкие прохожие. Влюблённые на дальних лавочках, чьи силуэты сливались в одну тень. Собачники с таксами, которые тянули хозяев в кусты. Темнота сгушалась, становилась густой, бархатной. Фары выхватывали только клочки мутной реальности. Кусок скамейки, ствол дерева. Вывеску «Аптека 24», мигающую вдалеке.

Катя смотрела на спину Димы. На футболку, которая налипла от пота, показывая очертания лопаток. На затылок, где волосы топорщились. Как он поворачивает голову, проверяя, не отстала ли она. В свете фар его профиль казался резким, почти скульптурным.

— Не отставай, — крикнул он. Голос эхом отразился от стволов.

— Не отстаю.

Она не отставала. Ехала. Дышала. Жила.

Они выехали к набережной. Здесь было светлее. Фонари горели ровным жёлтым, отбрасывая длинные тени на брусчатку. Вода в Китое стала чёрной, почти маслянистой. Она не текла, а стояла, тяжёлая, неподвижная. Отражая темные здоровенные сосны. Пахло рекой, илом, далёким дымком с острова и мокрым камнем.

— Давай остановимся, — предложил Дима.

— Давай.

Они припарковали велосипеды у металлического ограждения. Там, где спуск на площадку для загорающих, качели на цепях под импровизированным мостиком. Замки щёлкнули. Катя подошла, посмотрела вниз. Цепи качелей скрипели, бросая смутные тени на песок. Вода была неподвижной. Отражала огни так чётко, будто внизу был второй мир. Вверх ногами.

— Красиво, — мечтательно протянула она.

— Да, — ответил Дима. Но смотрел не на воду. На неё.

Катя почувствовала его взгляд. Спиной. Затылком. Каждой клеткой. Он был тяжёлым, тёплым.

— Чего ты смотришь? — спросила она, не оборачиваясь. Без сарказма.

— На тебя.

— Почему?

— Ты красивая.

Катя замерла. Воздух в лёгких застыл. Он никогда не говорил этого раньше. Шутил. Дразнил. Злил. Бросал фразы как мячики, чтобы она ловила или отбивала. Но такого — прямо, без улыбки и подкола! Без защитного слоя юмора — не было. Слова упали в тишину, как камни в воду. Пошли кругами.

— Тёплая вода? — спросил он вдруг. Сменил тему. Но голос остался прежним.

— Что?

— В Китое. Вода тёплая?

— Не знаю. — Она повернулась. Ветер шевелил пряди на лбу. — Проверь.

— Проверю.

Он спустился. Движение было ловким, привычным. Сел на край. Снял кеды. Носки. Опустил ноги в воду. Брызги упали на асфальт тёмными точками.

— Холодная, — сказал он. Поморщился. Но не убрал ноги.

— Значит, не тёплая.

— Зато освежает. Как пощёчина. На тебе! На тебе!

Он сидел. Болтал ногами. Смотрел на неё, снизу вверх. Вода омывала щиколотки, уходила в темноту.

Катя смотрела на него. Вдруг подумала: «Какой же он дурак. И какой же...» Она не закончила мысль. Слово не поместилось в голове. Слишком большое, настоящее. Взрослое. Села рядом. Свесила ноги. Тоже разулась. Кеды отставила. Носки свернула. Опустила стопы в воду.

Холод ударил мгновенно. По-настоящему. Ледяной, пронизывающий, выжимающий дыхание из лёгких. Она ахнула, дёрнулась, но не убрала ноги. Привыкла.

— Ты же сказал холодная, — фыркнула она. Зубы стучали.

— Я сказал.

— Почему я не поверила?

— Потому что ты псих. — Он улыбнулся. Зубы блеснули в свете фонаря. — Психи не верят в очевидное. Верят в то, чего нет. Или в то, что есть, но прячется.

— Мы верим в чудеса.

— А это — чудо?

— Это — вечер. Набережная. Вода. — Она помолчала. Ветер трепал волосы. — Ты.

Дима не ответил. Он просто смотрел. Пальцы на коленях слегка барабанили.

Они сидели так. Болтали ногами. Смотрели на тёмную воду. Где-то за спиной, у поющих фонтанов, играли уличные музыканты. Гитара, бубен, хриплый голос. Пели Цоя. «Звезда по имени Солнце...» Мелодия плыла над водой, возвращалась эхом от бетонных стен.

— Слушай, — сказала Катя. Спросила в пустоту. — А ты веришь, что люди могут меняться?

— Думаю, да.

— А я не верю.

— Почему?

— Потому что я пыталась. Много раз. — Она сжала пальцы на холодном металле парапета. Костяшки побелели. — Меняла привычки. Меняла окружение. Себя. И каждый раз возвращалась к старой. К той, которая кричит, бросается сумками, не умеет тормозить.

— Может, не надо меняться?

— А что надо?

— Просто быть.

— Быть кем?

— С собой. — Он повернул голову. Свет фонаря выхватил линию его скулы, тень на шее. — Например, ты — Катя. Которая кидается сумками. Спасает котов. Бойтся велосипеда, но всё равно садится на него. Рисует на асфальте. Смеётся, когда должна злиться. Злится, когда должна смеяться. Это не плохо. Это — ты. Та, которая делает все, даже когда страшно.

Катя промолчала. Горло сжалось. Потому что он попал в точку. Не в цель. В точку. В самое сердце, которое она прятала под слоями сарказма, футболкой с Цоем, порванными джинсами и вечной готовностью к бою.

Они сидели так долго. Вода холодила ноги. Ветер трепал волосы. Музыка стихла. И город затихал где-то. Наверное, огни там гасли в окнах. Один за другим.

— Нам пора, — сказал Дима. Слова давались с трудом.

— Да, — ответила Катя.

Они не пошевелились.

— Правда пора, — повторил он.

— Я знаю.

Они ещё посидели минуту. Две. Потом встали. Вытерли ноги о бетон. Надели носки. Кеды. Зашнуровали шнурки. Чтоб их. Не торопясь. Будто время можно было растянуть пальцами.

— Я провожу тебя, — предложил Дима.

— Я знаю.

Они поехали. Медленно. По пустым улицам. Фонари скользили по асфальту, выхватывая вывески, скамейки, закрытые киоски. Город спал. Только они ехали.

У подъезда Катя слезла с велосипеда. Замок щёлкнул. Она вернула его на стоянку.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За вечер. За фару. За то, что не дал врезаться в дерево. За воду. За всё.

— Это тебе спасибо. Что согласилась. И не убежала.

Катя хотела сказать что-то ещё. Важное. То, что лежало на языке, но не находило формы. Нет, не нашла. Не сказала.

— Завтра увидимся? — спросил Дима. Встал рядом. Руки в карманах. Взгляд прямой.

— Увидимся.

Он кивнул. Развернулся. Поехал. Колёса зашуршали по асфальту. Свет фары растворился на повороте.

Катя стояла у подъезда. Смотрела ему вслед. Потом достала ключи. Открыла дверь. Зашла. Поднялась по лестнице. На втором пролёте остановилась. Прижалась спиной к стене. Сердце колотилось. Ладони всё ещё помнили холод руля и тепло его взгляда. На переносице горело место, где был его палец в кафе. А щиколотки холодила вода Китоя.

И впервые за долгое время она не испугалась этого слова. «Настоящий». Оно звучало не как обещание чего-то. А как факт.

Катя улыбнулась. Вошла в квартиру. Закрыла дверь. Услышала ворчание бабушки.

И пошла рисовать

Глава 5. ПЕРВОЕ НЕДОПОНИМАНИЕ С РЕВНОСТЬЮ

Катя не считала себя ревнивой.

Вообще. Она могла спокойно смотреть, как Аня заливалась смехом, переписываясь с Катиным бывшим. Могла не обращать внимания, когда бариста в новой кофейне на Михайлова слишком долго смотрела на Диму, пока тот оплачивал заказ. Ревность казалась ей чем-то устаревшим, как стационарные телефоны или бумажные карты. Контролировать, проверять, требовать — это не про неё. Она была за свободу. За лёгкость. Чтобы каждый был сам по себе. Но рядом. Оказывается.

Что-то пошло не так.

Они ехали в Листвянку. Утро выдалось ясным, но с тем самым коварством, о котором знали только местные. К полудню небо затягивает серой пеленой, а к вечеру вываливается шквальный дождь. Машина — старая «Тойота Лэнд Крузер» Дмитрия, с потёртым кожаным салоном, магнитолой — катилась по трассе Р255 «Байкал». Магнитола иногда ловила только помехи. И кондиционер, дул то ледяным, то тёплым воздухом. Навигатор на приборной панели, подключенный к телефону Димы, мягко гудел. Пересчитывая маршрут из-за утренней пробки на выезде из Ангарска. Экран показывал: «1 час 15 минут до Иркутска. Ещё 45 минут до Листвянки». Катя сидела на переднем пассажирском. Дима — за рулём, одна рука на баранке, другая лениво переключала треки. Сзади устроились Аня и Сергей. Аня листала ленту в телефоне, Сергей дремал, уронив голову на стекло. О великий миг единения!

В колонках пел Цой. Настаивал! «Мы ждём перемен...». Голос хриплый, знакомый до дрожи, заполнял салон, смешиваясь с гудением шин и ровным шумом мотора.

Катя смотрела в окно. За стеклом мелькали сосновые перелески, выгоревшая трава, редкие деревни с покосившимися заборами и спутниковыми тарелками на крышах. Где-то вдаль тянулся дым от костров или сжигаемого мусора. Воздух за окном, если бы стекло опустилось, пах бы пылью, нагретой хвоей и рекой.

— Хорошо летом, — задумчиво промурчала она.

— Хорошо, — согласил Дима, не отрывая взгляда от дороги. — Особенно когда едешь к Байкалу.

— Ты часто туда едешь?

— Не очень. Но люблю.

— С кем обычно?

Вопрос вылетел сам. Легко. Будто между делом. Но внутри Катя почувствовала, как что-то сжалось. Маленький, острый узелок под рёбрами. Она не хотела его задавать. Но пальцы сами вцепились в край джинсовой куртки, брошенной на колени.

Дима посмотрел на неё. Боковым зрением. Улыбнулся. Уголок рта приподнялся, в глазах мелькнуло знакомое веселье.

— С друзьями.

— С девушками?

Слова повисло в воздухе. Тяжёлыми, ненужными, резкими. Катя тут же пожалела. Хотела отмотать назад. Сказать, что это шутка. Что ей всё равно. Но язык прилип к нёбу.

Аня сзади хмыкнула. Звук был тихим, но в тишине салона прозвучал как выстрел.

— Катя, — сказала она, отрываясь от экрана. — Ты допрос устраиваешь? Или просто репетируешь роль следователя?

— Я просто спросила, — огрызнулась Катя. Твёрже, чем она планировала. Защищалась. — Не понимаю, что такого.

— Ты ревнуешь, — проснулся Сергей. Предположил без насмешки и оценки. Просто констатация факта. Будто сказал: «Идёт дождь».

— Нет, — выпалила Катя. Слишком быстро и громко. Слова снова разлетелись, не найдя опоры.

Дима ничего не сказал. Просто улыбнулся шире. Переключил передачу. Машина мягко качнулась. Он смотрел на дорогу, но Катя чувствовала его внимание. Оно было тёплым. Терпеливым. Он ждал, когда она сама разберётся с этим узлом внутри. Не торопил. Ехал дальше.

Она отвернулась к окну. Ревность была глупой. Нелепой. Они знали друг друга четыре дня. Четыре дня смеха, падений, мороженого, котов, велосипедов и мокрых ног в Ангаре. Но почему-то именно сейчас, в движущемся автомобиле, в двух часах от дома, внутри всё перевернулось. Она уже привязалась. Уже считала его своим. Страшно.

В Листвянку они въехали ближе к полудню. Дорога свернула с трассы, нырнула в сосновый бор, выскочила к набережной. И Байкал открылся сразу. Весь. От горизонта до горизонта. Вода сегодня была тёмной. Свинцовой, почти чёрной, с лёгкой рябью, которую гнал утренний ветер. Солнце ещё не пробилось сквозь облака, но воздух уже звенел особой свежестью. Пахло хвоей, илом, далёким дымком и чистой водой.

— Ничего себе, — выдохнула Катя. Забыла про узел и лишний вопрос. Просто смотрела. Не могла оторваться.

— У нас в Ангарске Ангара тоже ничего, — заметил Дима, паркуя машину у платной стоянки, где на шлагбауме висел QR-код для оплаты. — Но Байкал — другое. Он не река. Он — характер! —

— Другой, — согласилась она. Вышла из машины. Ноги затекли. Спина ныла. Но внутри все пело. И даже летали подлые бабочки в животе! Предательницы!

Они пошли к причалу. В Листвянке летом всегдалюдно. Деревянный променад гудел под сотнями ног. Туристы с беззеркальными камерами и стабилизаторами. Местные продавцы копчёного омуля, развешивающие рыбу на решётках. Собаки, тощие и бойкие, носились между ног, гоняясь за чайками и выпрашивая кусочки. Где-то играла живая музыка. Кто-то торговал сувенирами из берёсты. Воздух был густым, шумным, насыщенным до предела.

Аня побежала вперёд. Сбросила кроссовки прямо на дорожку, закатала джинсы по колено, шлёпнула босиком к воде.

— Холодно! — закричала она, подпрыгивая на одной ноге. — Блин, как лёд!

— Байкал не прогревается, — крикнул Дима, подходя к ней. Встал рядом. Заговорил о чем-то, наклонившись ближе. Аня засмеялась. Голову запрокинула. Волосы блеснули на солнце.

Катя смотрела на них. Стояла в пяти метрах. Не двигалась. Сердце кольнуло. Резко. Больно. Она не поняла — почему. Аня — её лучшая подруга. С детства. От драк в песочнице и ночных разговоров на балконе. До молчаливой поддержки, когда мир рушился. Дима — просто парень. Четыре дня. Но внутри что-то сжалось. Не в кулаке. В груди. Точно она уже потеряла его. Хотя ещё не успела найти.

— Пойдём, — раздался голос рядом. Сергей. Появился из ниоткуда, как всегда. Тихий. Незаметный. — Я покажу тебе нерпу.

— Нерпу? — Катя моргнула. Вернулась из своих мыслей.

— Чучело. В музее Байкала. Там же аквариум. Настоящая живая сидит за стеклом.

— Не хочу чучело, — буркнула она. — И не хочу аквариум. Хочу... не знаю. Воздух. Тишину.

— Тогда пойдём есть омуля, — сказал Сергей без эмоций. — Там тихо. Пахнет дымом. Там можно подумать.

Катя посмотрела на Диму. Тот всё ещё стоял у кромки воды. Смеялся с Аней. Что-то показывал пальцем в сторону горизонта. Не оборачивался, не искал её взглядом. Будто её не существовало, она была фоном. Декорацией.

— Ладно, — решила она. Голос глухой. Недобрый. — Пошли.

Уличное кафе находилось в стороне от основной толпы. Деревянные столы, покрытые потёртой клеёнкой. Пластиковые стулья, шатающиеся на неровном настиле. Пахло рыбой, угольным дымом, луком и чем-то пряным. Над входом висел вывеска: «У Михалыча». На столе — QR-код меню, подставка для салфеток, пепельница.

— Два горячего копчения, — заказал Сергей продавцу-мужчине в фартуке, покрытом рыбьей чешуёй. — И хлеб. Свежий.

— А пиво? — спросила Катя. Смотрела в сторону причала. Не на меню.

— Я за рулём, — напомнил Сергей.

— Я не про тебя. Я про себя.

Сергей улыбнулся. Кивнул продавцу. Тот пробил заказ, протянул две запотевшие бутылки. Стекло было холодным. Катя взяла. Сделала глоток. Пиво горькое, холодное, освежающее. Но вкус не принес облегчения. Внутри всё ещё ныло.

Они сидели. Ели рыбу. Мякоть отходила от костей легко, пахло костром и глкбиной. Молчали. Катя смотрела в сторону воды. Дима и Аня уже не смеялись. Они просто стояли. Плечи почти касались. Смотрели на воду. Разговаривали. О чём можно говорить, стоя у Байкала, когда всё вокруг шумит, а ты молчишь? О прошлом? Планах? О ней?

— Ты чего? — спросил Сергей. Разломил хлеб. Положил кусок на салфетку.

— Нормально.

— Нормально! У тебя вид — как у кота, которому наступили на хвост. Спина выгнута. Глаза горят. Руки трясутся.

— Я не кот.

— А кто?

— Псих. — Она откусила хлеб. Жевала медленно. — Мы все здесь психи. Ты, я, они. Даже рыба.

Сергей кивнул. Взгляд был спокойным. Взрослым.

— Дима — добрый, — доложил он. — Со всеми такой. Открытый. Не делит на своих и чужих. Он просто... хороший.

— Я не заметила.

— Заметила. Просто не хочешь признавать. Если признаешь — придётся поверить, что ты для него не просто «ещё одна». А это страшно.

Катя промолчала. Рыба застряла в горле. Она запивала пивом. Смотрела, как Дима проводит рукой по волосам. Аня кивает. И между ними нет расстояния. Не физического. Эмоционального. Будто они знали друг друга годами. И у них есть общий язык, которого нет у неё.

Доела омуля. Вытерла руки о джинсы. Встала. Стул скрипнул.

— Пойду к ним.

— Иди, — согласился Сергей. Не удерживал и не давал советов.

Она пошла по деревянному настилу. Мимо причалов, где качались лодки на волнах. Старика в кепке, продающего янтарь на самодельной подставке. Пары туристов, делающих селфи с видом на воду. Ноги были тяжёлыми. В груди — камень. Она знала, что это глупо. Не повзрослому. Но психи не бывают взрослыми. Психи бывают честными. Даже когда честность режет. Больно.

Дима и Аня стояли у старой, выкрашенной в синий цвет лодки. Привязанной к пирсу ржавой цепью. Аня показывала пальцем на что-то в воде.

— Нерпа! — сказала она. Голос звонкий. — Смотри! Голова показалась!

Катя подошла. Посмотрела. Вода была мутной у берега, тёмной дальше. Рябь. Блики. Ничего.

— Уплыла, — сказал Дима. Не оборачиваясь. Смотрел в ту же точку.

— Ага, — ответила Катя. Голос колкий. — Удобно. Вода всё скрывает. Нерп. И ответы.

Дима повернулся. В глазах — понимание. Он ждал этого момента. Знал, что она придёт.

С этим взглядом и тоном.

— Ты чего? — спросил он. Без насмешки.

— Ничего. Ела омуля. Рыба вкусная. Копчение идеальное. Хлеб свежий. Всё как в лучших ресторанах.

— Катя.

— Что?

— Перестань.

Она замерла. Слова зависли. Внутри всё сжалось. Хотела ответить и лягнуть. Развернуться и уйти. Но вместо этого села на песок у края настила. Обхватила колени. Смотрела на воду. Тёмную, холодную, равнодушную воду.

Дима сел рядом. Песок шуршал под ногами. Ветер трепал полы его футболки.

— Ты злишься, — заметил он.

— Нет.

— Я же вижу.

— Что ты видишь?

— Как ты смотрела на меня и Аню. Весь день. С самого выезда. Ты считаешь каждый взгляд. Секунду, когда я не смотрю на тебя.

Катя резко повернула голову. Глаза горели. Не слёзы. Огонь. Глупый, детский, обидный.

— Я не ревную.

— А кто тогда «удобно» сказал про нерпу? Какая разница, уплыла нерпа или нет? Она тут. Или нет. Вода останется холодной. Байкал будет шуметь. Я всё равно буду рядом.

Она не ответила. Потому что он был прав. До дрожи в пальцах. Она села, уткнулась подбородком в колени. Смотрела на рябь.

— Просто... — начала она. И замолчала. Слова не лезли. И горло сжалось.

— Просто что?

— Просто ты с ней смеёшься. Стоите близко. Она тебя понимает. Не спрашивает глупых вопросов. Она не цепляется. А я... цепляюсь. Спрашиваю. Я боюсь. И это меня бесит. Потому что я не хочу быть такой. Той, которая портит момент своей неуверенностью.

Дима молчал. Секунду. Две. Потом вздохнул. По-человечески.

— Она моя подруга, — уверенно ответил он. Твёрдый. — Как Сергей. Те, кто знает меня до того, как я научился прятаться. Аня — часть моего прошлого. И настоящего. Но не будущего.

— Я знаю.

— И ты тоже моя. — Он помолчал. Ветер подул сильнее, принёс запах сосен и воды. — Или уже?

Катя подняла глаза. Посмотрела на него. В его взгляде не было игры или подкола. Только вопрос. Открытый. Ожидающий ответа, который может всё изменить.

— Не знаю, — честно призналась она. Голос подводил. — Я не знаю, что я для тебя. Не знаю, что ты для меня. Когда ты с ней смеёшься, мне хочется исчезнуть. А когда ты смотришь на меня — хочется остаться. Навсегда. Это ненормально. Очень психовато. Но это так.

— А я знаю. — Он взял камешек с песка. Гладкий. Тёмный. Кинул в воду. Всплеск был тихим. Круги пошли по воде, растворяясь в ряби. — Моя. Не потому, что я так решил. А потому, что ты позволяешь мне быть рядом. Даже когда ты злишься, молчишь. Кидаешь сумки и падаешь с велосипедов. Ты — моя.

— Нагло. Но — круто! — выдохнула Катя. Внутри что-то разжалось. Узел не исчез. Но перестал душить.

— А ты ожидала чего-то другого? — Он улыбнулся. Бешеной улыбкой. Честной. — Я псих, не умею тонко. Что говорю, то и думаю. А думаю я о тебе.

— Я тоже псих, — согласилась она, уже мягко. — Поэтому мы и сидим здесь. Вдвоём. На песке. У Байкала. Потому что психи находят друг друга. Парные случаи, знаешь?

В Катя не выдержала. Улыбнулась. Сначала уголком рта. Потом шире. До слёз в уголках глаз.

— Ты невыносим.

— Я знаю.

— И самодовольный.

— Тоже знаю.

— И я тебя всё равно... — Она не договорила. Слова застряли. Слишком большие и настоящие.

Дима ждал. Не подталкивал. Просто смотрел.

— Что?

— Ничего, — отрезала Катя и нахмурилась. Отвернулась. Спрятала улыбку в волосы. — Не дождёшься.

— Уже дождался. — Он показал на неё. — Ты улыбаешься, уже не злишься. Просто хочешь, чтобы я понял. Ты — первая. Кто не пытается меня исправить. Принимает мой хаос. Первая, кого я буду выбирать. Каждый день. Даже когда будет трудно. И глупо. Аня — друг. Ты — другая.

Катя замерла. Воздух в лёгких застыл. Внутри всё перевернулось. От того, что он видит её. Не идеальную. А настоящую. Ту, которая боится, злится. Любит слишком сильно и, может быть, рано.

— Какая? — шепнула она.

— Ты сама знаешь. — Он не стал объяснять.

Встал. Протянул руку. Ладонь открытая. Ждущая.

— Пойдём. Надо ехать на Ольхон. Вернуться в Иркутск. Потом по Баяндаевскому тракту. Эт тебе не до Листвянки от Иркутска. Далеко. Зато просторы и красоты равнин. Лошадки всякие, воздушные шары и прочая прелесть. Пока дизельные паромы ходят. Ехать быстро прилично. Давай! Пока мы не передумали. И бог погоду дает.

— Я не готова, — ответила Катя. Грустно посмотрела на его ладонь.

— К чему?

— К тебе. Что это не игра. Не лето. И не временно.

— Я тоже не готов к тебе, — Серьезно согласился он. Даже кивнул. — Но это не мешает нам быть рядом. Быть рядом — уже начало. Остальное — потом.

Катя взяла его за руку. Ладонь была тёплой. Шершавой. Она встала. Песок осыпался с джинсов. Ветер трепал волосы. Внутри было тихо. Как после грозы. Воздух очистился и можно дышать.

Они пошли к машине. Аня и Сергей уже сидели на заднем сиденье. Аня листала телефон. Сергей дремал, уронив голову на стекло.

— Всё нормально? — спросила Аня, не поднимая глаз. Но в голосе была забота. Без осуждения.

— Да, — ответила Катя. Села рядом. Пристегнулась. — Всё нормально.

— А вы выглядите... — Аня подняла глаза. Взглянула на них. На переплетённые руки. На спокойные лица. — Мирно. Как после шторма.

— Мы устали, — сказал Дима, заводя мотор. — Байкал действует расслабляюще. А еще мы психи, которые научились дышать. Одновременно.

— Ага, — усмехнулась Аня. Откинулась назад. — Конечно.

Дорога на Ольхон — длинная. Разная. То новая, шикарная. То — не очень. С ухабами, которые машина глотала, как орехи. Грунтовка петляла между степными холмами, спускалась к паромной переправе МРС (Сахаюрт). Там гудел, перевозя машины на другой берег, не какой-нибудь слабенький транспорт. Не тросовые паромы, а корабельного типа. «Ольховские ворота», «Семен Дежнев» и старенький «Дорожник». Туристов на Ольхоне море. Встать с палаткой у Хужира, тот еще квест! Но...

Снова грунтовка. Камни. Пыль. Сосны. Ветер.

Машина прыгала. Катю подбрасывало на сиденье. Она держалась за ручку двери. Но смотрела на него. Его профиль. Руки, уверенно лежащие на руле. На то, как он переключает передачи, не глядя. Как изредка поворачивает голову, проверяя, не отстала ли она взглядом. Не отстала.

Ревность ушла. Осталось только тепло. Которое греет внутри и не требует доказательств. Просто есть.

Приехали вечером. Небо окрасилось розовым, переходящим в фиолетовый. Градиент. Байкал — тёмный, почти чёрный. С редкими серебряными бликами там, где ветер гнал волну. Ветер остался холодным, пахнущим степью, полынью и далёким дождём. Палаточный лагерь у Хужира был неожиданно почти пуст. Только пара групп у дальних костров.

— Здесь красиво, — восхитилась Катя. Вышла из машины. Расправила плечи. Вдохнула. Воздух был чистым. Ледяным. Замечательным.

— Здесь красивее, чем в Листвянке, — ответил Дима, открывая багажник. — Дикая природа. Только ветер и вода.

— А мы?

— Мы — исключение. — Он достал палатку. Бросил её на землю. — Поможешь?

Катя подошла. Подавала колышки. Держала ткань. Их руки соприкасались. Часто. Каждый раз. Пальцы скользили по нейлону. Ладони встречались. Не электризовали. Не обжигали. Катя перестала дёргаться. Принимала каждое касание, взгляд, вздох.

Вечером они сидели у костра. Аня и Сергей ушли собирать хворост, оставив их вдвоём. Или просто придумали причину. Огонь трещал. Искры летели вверх, гасли в звёздном небе. Байкал гудел за спиной. Тёмный. Вечный.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Катя. Сидела на бревне. Колени подтянула. Смотрела на пламя.

— О чём?

— О себе. О том, чего ты не говоришь вслух.

— Всё — долго, — он подкинул ветку в костёр. Пламя лизнуло воздух, стало выше. — Я родился в Ангарске. Живу там всю жизнь. Работаю в баре. Играю на гитаре. Пью кофе, который уже холодный. Смеюсь, когда не надо. Падаю, когда надо. Не умею хранить секреты. Но умею хранить тех, кто рядом.

— Что играешь?

— Разное. И Цоя. Иногда своё. То, что не звучит ни у кого.

— Споешь?

— Сейчас?

— Нет, на костре — это же классика. Как в кино. Только без фильтров.

Он улыбнулся. Принес старую гитару. Провёл пальцами по струнам. Звук был хриплым, но чистым. Сел рядом. Настроил колки. Взял аккорд.

«Звезда по имени Солнце...»

Катя слушала. Смотрела на огонь. На его пальцы, бегущие по ладам. Отблески пламени в его глазах. Поёт не идеально. С хрипотцой и ошибками. Но честно. Каждое слово — как обещание. Нота — прикосновение.

Он закончил, она не аплодировала. Сказала:

— У тебя хорошо получается.

— Я знаю. — поставил гитару. Прислонил к бревну. — Я не умею делать что-то плохо. Разве что притворяться спокойным.

— А что-то хорошо?

— Например, сидеть с тобой. — Он посмотрел на неё. Беззащитно. — В тишине, шуме, пыли. Неважно. Главное — с тобой.

Катя покраснела.

— Ты опять.

— Что, опять?

— Говоришь то, от чего хочется убежать. Слишком настоящее и пугает.

— А ты беги. — Он развёл руками. Улыбка была мягкой. — Но я догоню.

— Ты уверен?

— Нет. — Он усмехнулся. Но глаза оставались серьёзными. — Но я бы хотел попробовать. Каждый день. Ты будешь кидаться сумками. Ревновать к нерпам. Молчать неделями. Я все равно попробую.

Пили чай из металлических кружек. Смотрели на звёзды. Байкал шумел за спиной. Ветер гнал волны. Где-то вдалеке вскрикивала чайка. Мир был огромным. Но здесь, у огня, он сжимался до размеров двоих. От ладони на ладони. И дыхания в унисон. До молчаливого «я здесь».

— Дима, — прошептала Катя. Не оборачиваясь.

— М?

— Я рада, что ты встретился мне. Не на набережной или в кафе. А здесь. У воды. И огня. Когда я была глупой. Злой.

— Даже после сегодняшнего дня? — спросил он. Боялся спугнуть.

— Даже после него. — Она помолчала. Повернулась. Встретила его взгляд. — Особенно после него. Я поняла, что ты мне не безразличен. Не просто летний роман или дурацкое приключение.

— Я это уже знал, — тепло улыбнулся он. — По твоим глазам. Когда ты смотрела на меня с Аней. Боишься потерять. Так здорово!

Катя засмеялась.

— Ты невыносим.

— Я псих. — Он поднял кружку. Металл блеснул в огне. — За психов. За тех, кто не умеет прятаться. За тех, кто любит громко. Кто падает, но встает. За нас.

— За психов, — повторила Катя. Чокнулась. Звук был глухим, но точным. — За лето, Байкал. За то, что мы не идеальные.

Они смеялись. Пили остывший чай. Смотрели, как искры уходят в небо, становясь звёздами. Ветер гнал волны. Ночь обещала быть долгой. Холодной. Но тёплой внутри.

Они уже знали: впереди их ждут настоящие приключения. Романтики, что говорит: «Я здесь. Я твой. Я псих. И я не уйду».

А за спиной шумел Байкал. Вечный. Как лето, которое ещё не закончилось.

Глава 6. ПЕРВЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ВЫЕЗД НА БАЙКАЛ

Утро на Ольхоне началось не с солнца. А с холода.

Катя открыла глаза от того, что кончик носа замёрз. Она лежала в палатке, свернувшись калачиком в спальнике. И первые три секунды не понимала, где находится. Потом вспомнила. Дорога, пыль, ухабы, розовое небо, костёр и чай из алюминиевых кружек. Слова Димы про психов, которые находят друг друга. И сон. Тяжёлый, пахнущий сосной и дымом.

Она выбралась из спальника. Воздух в палатке был ледяным, плотным, с привкусом утренней росы. На часах в телефоне мигало 06:42. Приложение погоды показывало: «+9°C. Ветер 5 м/с. Ясно». 2026 год умел предсказывать давление и УФ-индекс. Но не умел предупредить о том, как Байкал дышит по утрам.

Катя натянула флисовую кофту, залезла в кеды без шнурков и расстегнула молнию. Вылезла наружу.

Степь была покрыта инеем. Тонким, серебристым, будто кто-то посыпал землю сахарной пудрой. Сосны стояли чёрными силуэтами, иглы блестели. Вдали, за грядой невысоких холмов, виднелась кромка воды. Тёмная, неподвижная, почти металлическая. Байкал спал. Или притворялся.

У костра возился Дима. Он уже успел разжечь дрова, поставил на решётку турку, заваривал кофе. По-турецки. Хотя турка была смешная, а огонь — на газовом баллоне. И где раскаленный песок? Современный туризм смешался с дикостью. На брезенте рядом лежал его рюкзак, умные часы мигали зелёным, фиксируя пульс в состоянии покоя. Катя усмехнулась. Он даже спал с гаджетами.

— Ты зачем так рано? — спросила она, подходя. Голос хриплый, спросонья.

— Байкал не ждёт, — ответил Дима, не оборачиваясь. Помешал кофе палочкой. — Он просыпается в шесть. Если проспять — увидишь только туристов.

— Туристы тоже люди.

— Туристы — это фон. Мы — кадр.

Катя фыркнула. Села на складной стул рядом. Ноги зябли. Она подтянула колени к груди, обхватила их руками. Смотрела на воду. Ветер дул с севера, колючий. Нёс запах хвои, соли и далёкой степи. Где-то в траве начинали стрекотать кузнечики, вверху редко перекрикивались невидимые пичужки. Над палаткой Ани и Сергея ещё висела тишина. Они спали. Или делали вид.

— Кофе будет через минуту, — отчитался Дима.

Налил в металлическую кружку. Протянул ей. Катя взяла, обожгла пальцы. Не отпустила. Пила медленно. Глотками. Кофе был крепким, горьким, с привкусом кардамона и дыма. Идеальным.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— За что?

— За то, что не будил будильником. За кофе. За то, что ты здесь.

Дима посмотрел на неё. Уголок рта дёрнулся. Не стал шутить, просто кивнул.

— Собирайся, — распорядился. — Пойдём к бухте Сарайской. Там песок. Можно поплавать. Если духу хватит.

— У меня хватает, — буркнула Катя.

Байкал в июле не прогревался. Он кусался, выжимал дыхание из лёгких. Но она знала, если откажется, будет выглядеть слабой. А она не хотела. Особенно перед ним.

Они двинулись в путь. Тропа петляла через сосновый лес, затем выходила на открытое место. Земля сухая, растрескавшаяся, местами покрытая редким низкорослым ковылём. Солнце поднималось, превращая иней в росу. Роса испарялась, воздух наполнялся теплом. Катя шла чуть первой. Дима — рядом. Их шаги совпадали. Не специально. Просто ритм подстроился.

Аня и Сергей отстали. Они шли медленно, фотографировали птиц на телефоны, спорили о маршруте. Катя не слушала. Она смотрела на воду. С каждым шагом Байкал открывался все больше. Не озеро. Море. Бездна. Горизонт был чистым, острым, будто отчеркнутым ножом. Легкий ветер будоражил травинки.

— Ты когда-нибудь плавал здесь? — спросила Катя, не оборачиваясь.

— Пару раз. В Листвянке. И, после, в горячей ванне. — Дима усмехнулся. — А здесь — впервые. Хочу почувствовать, как лёгкие сжимаются.

— Мазохист.

— Исследователь.

— Одно и то же.

Он рассмеялся. Звук утонул в шуме ветра. Катя почувствовала, как плечи расслабляются. Страх уходил. Оставалось только любопытство. И желание проверить: выдержит ли она? А он?

Бухта Сарайская встретила их песком. Мелким, золотистым, тёплым даже утром. Вода у берега была прозрачной, но уже на метре темнела, становилась тяжёлой, почти чёрной. На камнях сохли водоросли. Чайки кричали, кружили над головой, выскивая остатки чужих пикников.

Катя скинула кеды. Разделась до футболки и трусов. Не стесняясь. Но и не торопясь. Летние вещи на ней были простыми. Белый топ, джинсовые шорты с бахромой, старые кроссовки на липучках. Она знала своё тело. Не идеальное. С шрамом на колене от падения с дерева, с веснушками на плечах, с родинкой под ключицей. Дима смотрел. Не пялился. Просто смотрел. Взгляд принимающим.

— Ты идёшь? — спросила она, ступив в воду.

— Иду.

Он разделся быстрее. Снял футболку, джинсы, остался в плавках. Телосложение у него было спортивным, но не накачанным. Естественным. Шрамы на рёбрах, загорелая кожа, волосы на груди светлыми клочками. Катя отвернулась. Щёки стали горячими. От него.

Сделала шаг. Вода обожгла щиколотки. Ледяная. Катя ахнула, дёрнулась, но не остановилась. Второй шаг. Холод поднимался к коленям. Третий. Дыхание сбилось. Четвёртый. Вода достигла бёдер. Она зажмурилась. Сделала глубокий вдох. И шагнула в глубину.

Байкал принял её. Не ласково. Жёстко. Вода обняла грудь, подмышки, шею. Катя поплыла. Движения были неуклюжими, рваными, но она плыла. Ветер бил в лицо. Волны подбрасывали. Она смеялась. Громко. Истерично. Свободно.

Дима был рядом. Он не плыл. Шёл по дну. Вода доходила ему до пояса. Он смотрел на неё. Улыбался.

— Ну что? — крикнул он сквозь шум. — Жива?

— Едва! — крикнула она в ответ. — Но не тонетя!

— Это прогресс.

Он сделал ещё шаг. И тут произошло то, чего не ждал никто.

Камень под его ногой был покрыт скользкой, зелёной тиной. Дима не заметил. Нога поехала. Тело дёрнулось. Руки взметнулись, пытаясь найти опору. Не нашёл. Он рухнул. Не назад или вперёд. Просто вниз. С глухим, сочным плеском, который разнёсся эхом по бухте.

Вода накрыла его с головой.

Катя замерла. Потом поняла, что он не тонет. Просто мокрый и растерянный. Смешной. Живой.

Она рассмеялась. Громко. До слёз. До хрипоты и боли в рёбрах. Смех вырывался сам, без контроля и стыда. Хохотала так, что байкальские чайки шарахнулись в сторону.

Дима вынырнул. Отплевываясь. Отфыркиваясь. Волосы прилипли ко лбу. Глаза блестя. На губах — улыбка. Широкая. Бешеная.

— Ржешь? — спросил он, вытирая лицо ладонью.

— Ты выглядел как тюлень, которого выкинуло на берег! — выдохнула Катя, вытирая глаза.

— Это был контролируемый спуск.

— Контролируемый? Ты врезался в воду лицом!

— Я проверил температуру. Методом погружения.

Катя не выдержала. Снова рассмеялась. Подплыла ближе. Вода холодила кожу, но внутри горело. Она остановилась перед ним. Метр. Полметра. Вода доходила ей до груди. Ему — до пояса. Они смотрели друг на друга. Без слов и шуток. Только дыхание и холод. И тепло, которое шло изнутри.

— Ты дурак, — сказала она тихо.

— Знаю. — Он шагнул ближе. Вода плеснула. Его рука коснулась её плеча. Не случайно. Намеренно. Пальцы были ледяными, но прикосновение обжигало. — Но ты смеялась.

— Потому что смешно.

— А потому что я живой.

Катя не ответила. Она просто смотрела. Капли на его ресницах. На линию подбородка. На то, как вода стекает по ключицам. Его грудь поднимается и опускается. Внутри что-то сдвинулось. Лёд треснул. От него.

— Выходи, — сказала она. — Замерзнешь.

— Это она мне говорит. Ты замерзла!

— Я закалённая.

— Ты псих.

— Мы оба психи.

Он улыбнулся. Пошёл к берегу. Катя плыла следом, быстро. Вода холодила. Рядом — человек, который падает, смеётся, не прячет ушибов, не боится показаться смешным. А выбирает её. Даже когда она не знает, что делать дальше.

Выбрались на песок. Закутались в полотенца. Катя достала из рюкзака сухую футболку. Бросила ему.

— Переоденься.

— А ты?

— Я переоденусь.

— Давай вместе.

— Не смешно.

— Я не смеюсь. Я предлагаю эффективность.

Катя покраснела. Но не отвернулась. Разделась за спиной у него. Надела сухую футболку. Шорты остались мокрыми. Не страшно. Солнце сушило. Ветер сушил. Время подсушивало.

Дима переоделся быстрее. Сел рядом. Плечи почти касались. Он смотрел на воду. Она смотрела на него.

— Знаешь, — сказал он вдруг. — Я боялся, что ты не пойдёшь.

— Почему?

— Потому что Байкал — это не Ангра. Он забирает тепло. Дыхание. И иллюзии.

— А что оставляет?

— Правду. — Он повернулся к ней. — Оставил тебя. Мою. Милую. Без сарказма и масок. И сумки-убийцы.

Катя улыбалась. Не ему, себе. Так странно, как он видит её. Не ту, которую она показывает миру. А ту, которую прячет, даже от себя.

— Ты тоже, без масок, — шепнула.

— Я никогда их не носил.

— Врёшь.

— Может быть. Но с тобой — снимаю.

Произвели великое объединение влажными полотенцами. Теперь они грели друг друга. Получалось не очень, но все равно классно. Сидели молча. Солнце поднималось. Песок начал нагреваться всерьёз. Вода накаtywвала. Чайки кричали. Где-то вдалеке Аня и Сергей расстилали плед, распаковывали контейнеры с едой. Жизнь шла своим чередом. А для них время остановилось. Или замедлилось. Байкал давал им передышку. Чтобы привыкли.

— Дима, — спросила Катя. Не оборачиваясь.

— М?

— А если я снова начну ревновать? И буду злиться? Вести себя как псих?

— Поржем. Я буду падать, мокнуть. Хватать тебя и держать, чтобы глупостей не наделала. Рядом буду. Да, много еще чего. Наверное.

— Почему?

— Потому что ты — моя. И все. И точка. Не идеальная, но моя -- все. А остальное — вата.

Катя не выдержала. Обхватила его за талию, прижалась. Положила голову на плечо. Он только вздохнул, еще крепче прижал к себе. Щекой погладил макушку.

Так просидели до обеда. Ели бутерброды с сыром. Пили тёплый чай из термоса. Смотрели, как волны бьются о камни. А солнце отражалось в воде. Ветер гнал облака по небу. Время текло, не спрашивая разрешения.

К вечеру вернулись в палаточный лагерь. Развели костёр. Аня и Сергей ушли, якобы собирать хворост, оставив их вдвоём. Катя сидела на бревне. Дима — рядом. Огонь трещал. Искры летели вверх, гасли в звёздном небе. Байкал шумел в темноте. Вечный.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Катя.

— О чём?

— О том, чего ты боишься.

Дима помолчал. Подкинул ветку в огонь. Пламя лизнуло воздух, стало выше, ярче.

— Боюсь, что лето скоро кончится, — начал он неторопливо. Говорил без подкола и защиты. — Боюсь, что ты вернёшься в Ангарске в свой блокнот. В сумку с Цоем. Начнешь жизнь, где нет меня.

— А я?

— Ты боишься, что я останусь. Таким же. Слишком громким, нелепым, странным. Отличающимся от других. И от тебя тоже. И ты уйдешь от меня.

Катя кивнула. Движением глубоко внутри. Он попал в точку. Все это она прятала под слоями иронии, порванными джинсами, вечной готовностью к бегству.

— Не уйду, — пообещала она. Твёрдо. — Не сейчас. Не так.

— Обещаешь?

— Психи не обещают. Они действуют.

Дима улыбнулся. Мягко. Взял её за руку. Огонь грел лица. Ветер трепал волосы. Байкал дышал. Звёзды горели.

— Ладно, — сказал он. — Психам — быть! Завтра. Послезавтра. Через год. Неважно. Просто будем.

Катя прижалась к его плечу. Получилось, само собой. Тело нашло опору. Внутри всё утихло. Не потому, что проблемы исчезли. Просто рядом был тот, кто не требовал тишины. И соглашался быть психом. Раз так вышло.

Аня и Сергей вернулись. Хвороста не нашли. Еще бы! Трудно найти то, чего нет. Все дрова давно покупались и привозились. Сели поодаль. Не мешали. Как доказательство, что лето не заканчивается. Оно только набирает силу.

Катя закрыла глаза. Слушала треск огня. Шум волн. Дыхание Димы. Его руки на своих плечах. Тепло. Холод. Свет. Тьму. Всё смешалось в одно чувство. Не любовь. Пока нет. Что-то уже очень близкое. Очень психовское.

Она открыла глаза. Посмотрела на него. Он смотрел на неё. Без слов. Понимание. Неподдельное.

— Завтра пойдём на мыс Хобой, — рассказывал Сергей. — Там скалы и ветер. Можно кричать. Всякое. Так здорово!

— Буду кричать, — соглашалась Катя. — Если ты будешь со мной.

— Конечно. — Дима сжимал её плечи. Шептал в шею. — Всегда.

Лето шло своим чередом. А они сидели. Мокли. Смеялись. Падали. Мерзли. Выбирали друг друга. Снова. И снова. И снова.

Мама говорит, что они психи. И она права. Но иногда психи — это просто те, кто не боится нырнуть в ледяную воду. А тот, кто ждет их на берегу, будет смеяться, но не уйдёт. Никуда.

Глава 7. НОЧНАЯ ПРОГУЛКА И СЛУЧАЙНЫЙ ДОЖДЬ

Катя совсем не любила дождь.

С детства. С того самого душного июля в Ангарске, когда она застряла на остановке у «Дворца культуры», промокла до нитки. А автобус №12 не приезжал два часа. С тех пор любая капля на коже вызывала у неё не романтическое томление, а раздражение. Похожее на аллергию. Дождь в её мире означал мокрые кроссовки, размазанную тушь, отменённые планы и долгое сидение в очереди к сушилке в раздевалке. Но сейчас, стоя посреди ольхонской степи под внезапно набежавшим небом, она не возражала.

Потому что Дима бежал рядом. Смеялся. Скользил на мокрых камнях, размахивал руками, как ветряная мельница. Кричал что-то невразумительное, что ветер тут же уносил в сторону Байкала. И это делало дождь почти приятным. Будто он смывал не пыль с травы, а все её внутренние тормоза.

— Я говорила, надо взять куртки! — крикнула Аня сзади. Голос тонул в шуме воды, бьющей по широкому пологу её дождевика.

— Ты не говорила! — крикнул в ответ Дима, не оборачиваясь.

— Я думала!

— Думать и говорить — разные вещи! — подхватил Сергей, который шёл последним. Молча, с философским видом человека, принявшего неизбежность.

Катя не слушала их спор. Она смотрела на небо. Облака пришли внезапно. Пять минут назад над Хужиром висело звёздное, чистое, прозрачное пространство. Млечный Путь казался рассыпанной сахарной пудрой. Тёплый ветер нёс запах полыни и нагретой за день степи. А теперь — серые, тяжёлые, свинцовые тучи, которые слились в одну массу и разразились ливнем. Приложение погоды на её телефоне, купленном в 2024-м и обновлённом нейросетевым модулем предсказания, ещё полчаса назад показывало «0% осадков. Ясно до утра». Сейчас экран мигал красным предупреждением: «Внезапная конвекция. Сармовый фронт. Ищите укрытие». Катя усмехнулась. Искусственный интеллект снова проиграл сибирскому лету.

— К укрытию! — скомандовал Дима. Остановился, ткнул пальцем в темноту. — Вон там! Навес!

Он указал на деревянную конструкцию в ста метрах. Туристический щит с покосившейся крышей из профнастила. Без стен, с выцветшей табличкой «Берегите Байкал. Не оставляйте мусор». Классика местных троп! Построена в нулевых, обновлена краудфандингом в двадцать третьем, теперь стояла как памятник человеческому оптимизму.

— Там не спрячешься! — крикнула Катя. Вода уже текла по шее, забиралась под футболку, холодила рёбра.

— Лучше, чем стоять под открытым небом и притворяться кактусами!

Они побежали.

Катя ступила на мокрую траву. Подошва кеда поехала по скользкому. Нога подвернулась. Мир на секунду накренился. Она успела только выдохнуть «блин», как чья-то рука схватила её за запястье. Резко. Уверенно. Тянуло вверх. Дима не дал упасть. Просто дёрнул на себя, придержал за локоть, притянул к себе. Так близко, что она почувствовала запах мокрой хлопковой футболки, дождя и чего-то древесного. Похожего на кедр. Или это и был, кедр?

— Держись! — крикнул он ей прямо в ухо. Голос хриплый. Возбуждённый.

— Держусь! — выдохнула она. И действительно держалась. Не за воздух. За него.

Он не отпускал. Даже когда они снова рванули вперёд. И её мокрые волосы били его по лицу. Когда они прыгали через лужи, где вода уже доходила до щиколоток. Они бежали вместе. По мокрой траве, по камням, по корням деревьев. По размокшей степной тропе, которая вела от лагеря к смотровой площадке. Аня и Сергей отстали. Где-то сзади слышались их голоса, ругань на современные кроссовки с «непромокаемой мембраной», которая протекла за пять минут. Топот, шлепки. Но их звуки тонули в шуме дождя, барабанившего по земле, листьям, спине.

Катя и Дима добежали первыми.

Навес оказался старым. Доски пола потемнели от времени и влаги, крыша кое-где протекала, вода капала ритмично, как метроном. Но сухих мест хватало. Углы, скамья, участок под самой балкой. Дима сразу нырнул под козырёк, развернулся, протянул ей руку.

— Заходи. Быстро. Пока не превратилась в водоросль.

Катя шагнула внутрь. Отряхнулась. Вода брызнула во все стороны, как от выжатой губки. Волосы прилипли к щекам, футболка облепила тело, джинсы потяжелели в два раза. Она провела ладонями по лицу, вытирая воду, и посмотрела на него.

— Ты как мокрая кошка, — удивился Дима. Снимал куртку, отжимал подол. Вода стекала с локтей, лужей на доски.

— А ты как мокрый пёс. Который только что вылез из озера.

— Я обиделся.

— Неправда.

— Немного. — Он улыбнулся. Улыбка была кривой, мокрой. — У псов шерсть гуще. У меня только кудри. И то мокрые.

Она фыркнула. Улыбнулась в ответ. Не смогла не улыбнуться.

Они стояли под навесом. Дышали тяжело после бега. Грудь вздымалась, рёбра ныли от напряжения, пальцы дрожали от холода и адреналина. Расстояние между ними было маленьким. Воздух стал плотным, наэлектризованным. Катя сделала шаг назад. Упёрлась спиной в деревянный столб. Дерево было шершавым, холодным, пахло старой смолой и мхом.

— Куда ты? — спросил Дима. Не двигался. Смотрел.

— Отодвигаюсь.

— Зачем?

— Чтобы не мешать. Дышать. Тебе же тесно.

— Ты не мешаешь. — Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. — Ты занимаешь место. Это другое.

Катя замерла. Столб давил на спину. Сердце билось где-то в горле. Вода капала с её волос на плечи. Он остановился в полуметре. Просто стоял. Смотрел. В его глазах не было игры. Было только внимание. Острое.

— Дима, — сказала она. Голос тихий. Будто боялась спугнуть.

— Что?

— Ты слишком близко.

— А ты слишком далеко. — Он помолчал. Ветер загнал внутрь навеса порыв дождя. Капли упали на доски. Звук был глухим. — Я хочу это исправить.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что... — Она не нашла слов. Язык не шевелился. Горло сжалось. Внутри всё кричало «надо». Тело тянулось к нему само, без разрешения. Она боялась, что если он приблизится ещё на сантиметр, просто перестанет контролировать дыхание.

Дима ждал. Не торопил. Дождь барабанил по крыше. Вода стекала по доскам, оставляла тёмные дорожки. Где-то за деревьями, в темноте, кричала Аня: «Вы где? Мы потерялись! Телефон сел! Навигатор показывает, что мы в озере!»

— Мы здесь! — крикнул Дима, не оборачиваясь. — Идите на голос! Не на запах! Он снова посмотрел на Катю. Взгляд был тёплым.

— Ты боишься, — удивился он. Не вопрос. Утверждение.

— Нет.

— Боишься. Я вижу. По глазам. По тому, как ты прижалась к столбу. Как задерживаешь дыхание.

— Чего мне бояться? Дождя? Я с детства ненавижу дождь. В Ангарске ждала автобус под ливнем два часа. Промокла до костей. Автобус так и не приехал. С тех пор любая капля — это сигнал: «Беги. Прячься. Не надейся».

— Не дождя. — Он шагнул ближе. Теперь между ними было только пространство, заполненное влажным воздухом. — Меня. Себя. На то, что может случиться, если мы перестанем прятаться за шутками.

Катя не ответила. Потому что он снова попал в точку. До боли. Она закрыла глаза. Открыла. Вдохнула. Воздух пах мокрым деревом, озоном и им.

— Ладно, — сказала она. Голос хриплый. Честный. — Допустим, боюсь. И что?

— Ничего. — Он отошёл на полшага. Сел на мокрую деревянную лавку. Дерево скрипнуло. — Бойся. Нормально. Страх — не слабость. Так, предупреждение.

— Ты не боишься?

— Боюсь. — Он посмотрел на неё. Взор был прямым. — Но я всё равно иду вперёд. Даже когда страшно и глупо. А логика кричит «развернись».

— Потому что ты псих?

— Я хочу быть с тобой. — Он сказал это без подготовки. Просто. Как факт. — Не идеально. А по-настоящему. И психи не умеют отступать от настоящего.

Катя села рядом. Так, чтобы слышать его дыхание. И чувствовать тепло, исходящее от его плеча. Видеть, как вода стекает по его скуле, шее, ключице.

— Ты странный, — улыбалась она. Смотрела на свои руки. Пальцы всё ещё тряслись.

— Я знаю.

— Ты говоришь то, о чем другие молчат. Прямо в лоб. Без фильтров.

— А ты молчишь о том, о чем другие говорят. Прячешь за сарказмом, сумкой. За Цоем на футболке. За вечным «я сама справлюсь».

— Мы не похожи.

— Мы одинаковые. — Он повернулся к ней. Колено почти коснулось её колена. — Просто у нас разные способы выживания.

— Какие?

— Ты убегаешь. Я догоняю.

— А если не догонишь?

— Догоню. — Он улыбнулся. Та самая. Бешеная. — Я быстрый. И у меня хорошая мотивация.

Катя засмеялась. Звук вырвался сам. Напряжение спало. Не всё, но часть. Точно кто-то открыл форточку в душной комнате. Внутри стало легче. Дышать.

Прибежали Аня и Сергей.

Мокрые. Запыхавшиеся. Злые. Аня несла в руке размокшую коробку с сухарями, которые превратились в кашу. Сергей тащил рюкзак. Который, судя по виду, впитал в себя три литра воды.

— Вы почему не крикнули, где вы? — спросила Аня, вытирая лицо ладонью. Волосы прилипли ко лбу. Тушь потекла, но ей было всё равно.

— Я крикнул! — открестился Дима. Не вставая.

— Крикнул один раз! В конце! Когда мы уже были по колена в болоте!

— А надо больше?

— Надо было стоять и орать! Или фонарик включить! Или написать в чат!

— Я не умею орать, — серьёзно ответил Дима. — Я умею только шутить. И бегать. Орать — это ваш конёк.

Аня закатила глаза. Упала на соседнюю лавку. Рюкзак плюхнулся рядом, из него вытекла мутная лужица. Сергей молча сел, достал из кармана полусухое полотенце, вытер лицо, шею, волосы. Движения были размеренными. Спокойными. Будто дождь — это просто погода. А погода — это просто явление.

— Хорошая погода, — сказал он. Без иронии. Констатировал факт.

— Какая хорошая? — возмутилась Аня. — Мы вымокли! Кроссовки промокли! Телефон умер! Сухари превратились в хлебный клей!

— Зато весело. — Сергей пожал плечами. — В Ангарске так не весело. Там дождь — это пробки и очереди в аптеку за противовирусным. А здесь — приключение.

— Весело ему. — Аня села рядом с Катей. Плечом к плечу. — Ты как?

— Нормально, — ответила Катя. Смотрела на Диму. Он отжимал подол футболки. Вода капала на доски. Ритмично.

— Выглядишь счастливой. — Аня прищурилась. В её взгляде не было осуждения. Только любопытство. И лёгкая усмешка.

— Это от дождя. Адреналин. Кислород.

— От дождя не становятся счастливыми. От дождя мокнут. И болеют. Пьют горячий чай. А ты сидишь и улыбаешься, как дура. Мокрая дура!

Катя не стала спорить. Потому что Аня была права. Не полностью. Счастье пришло не от дождя. Рядом был человек, который не спрятался. Побежал навстречу. Сказал: «Бойся, но иди».

Дождь стихал. Становился мельче. Превращался в морось, которая едва касалась кожи. Тучи разрывались. Сквозь прорехи проглядывали звёзды. Сначала одна. Потом другая. Следом целая россыпь.

— Переждали, — утвердительно сказал Дима. Встал. Потянулся. Спина хрустнула. — Можно идти.

— Куда? — спросил Сергей.

— Обратно. К палаткам и костру. К сухим спальникам.

— А смысл? Мы уже здесь. Под навесом. Крыша есть. Лавки есть. Только тараканов не хватает.

— Здесь — это где? — Дима огляделся. Указал на прогнившие доски, тёмные углы, табличку с выцветшей краской. — Спать на лавках? На промокнувшем дереве? Под сквозняком? Нет. Завтра поход в горы. К мысу. Надо выспаться. А не ловить радикулит.

— Я выплюсь и на лавке, — буркнул Сергей. — У меня позвонки закалённые.

— Ты выступишься даже на камне. Это талант. Или патология.

— Талант.

Они встали. Отряхнулись. Поправили рюкзаки. Дождевики слиплись, превратились в тяжёлые плащи. Катя натянула капюшон. Волосы мокрые, тяжёлые, пахли дождём и песком. Дима шёл впереди. За ним — она. Потом Аня и Сергей. Спорящие о том, кто виноват в том, что они пошли гулять без прогноза.

Тропа была скользкой. Корни деревьев выступали над землёй, покрытые мхом и водой. Камни блестели. Трава шуршала и тянулась под ногами. Катя ступала осторожно. Искала опору. Смотрела под ноги. Дима шёл впереди. Иногда оборачивался.

— Не отставай, — говорил он. Серьёзный.

— Не отстаю.

— Смотри под ноги. Корни скользкие.

— Смотрю.

— Не смотри на меня.

— Я и не смотрю. — Она смотрела. На его спину. Как мокрая футболка облегает лопатки. На то, как он идёт. Уверенно. Ровно. Будто знает каждый камень наизусть. Или ей так казалось. Он улыбнулся. Отвернулся. Но шаг замедлил. Подстроился под её ритм.

Они вышли к берегу. Байкал был чёрным. Волны бились о камни, разбивались в белую пену, отступали, возвращались. Ветер нёс запах воды, соли, далёкого леса. Где-то вдаль, на другом берегу, светились огни Листвянки или Хужира. Маленькие. Тёплые. Живые. Будто кто-то зажёл фонари специально для них.

— Красиво, — заметила Аня. Остановилась. Смотрела. Забыла про мокрые кроссовки.

— Да, — согласился Сергей. — Страшно красиво.

— Почему страшно? — спросила Катя. Подошла ближе к воде. Ветер трепал куртку.

— Потому что темно. Вода. Неизвестность. Байкал не прощает ошибок. Он забирает тех, кто не уважает его силу.

— Ты философ?

— Я устал. — Сергей зевнул. Широко. Без стеснения. — Усталость делает меня умным. Или хотя бы осторожным.

Аня засмеялась. Звук был лёгким. Летящим. Она толкнула его в плечо. Он не отшатнулся. Просто улыбнулся.

Они дошли до палаток. Костёр догорел. Только угли. Красные. Пульсирующие в темноте. Дима не стал ждать. Подошёл к кострищу. Достал откуда-то сухие ветки берёзы, кору, хвою. Сложил в пирамидку. Чиркнул зажигалкой. Пламя лизнуло кору, разгорелось, охватило ветки, поднялось выше, ярче. Огонь вспыхнул. Осветил лица. Вытащил тени из-под глаз. Сделал мир меньше. Ближе. Реальнее.

— Садитесь, — сказал он. Сел на бревно. Указал рукой. — Грейтесь. Сушитесь. Не превращайтесь в ледяные скульптуры.

Все сели. Катя — рядом с ним. Аня и Сергей — напротив. Молчали. Устали. Промокли. Замерзли. Но уходить не хотелось. Огонь грел. Байкал шумел. Ветер нёс запах сосен.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Катя. Смотрела на пламя. Огонь отражался в её зрачках.

— О чём? — спросил Дима. Подкинул ветку. Искры взмыли вверх, погасли в темноте.

— О себе. Чего я не знаю. О том, что ты прячешь.

— Ты много чего не знаешь.

— Вот и расскажи. — Она повернулась к нему. Жест был мягким, но требовательным.

Дима подумал. Молчал долго. Огонь трещал. Ветер гнал дым в сторону. Где-то вдалеке лаяла собака. Или волк. Ого! И не разберёшь.

— Я учился в музучилище, — сказал он наконец. Будто делился секретом. — В Иркутске. Два года. Бросил.

— Почему?

— Не моё. Мне нужна свобода. А там — рамки. Ноты. Преподаватели, которые говорят «так нельзя», «это не по канону», «ты слишком импровизируешь». А я хочу играть не по нотам. А по настроению. По ветру, дождю. Как горит костёр.

— Ты не любишь рамки?

— Ненавижу. — Он усмехнулся. Но глаза оставались серьёзными. — Рамки — это клетки. Я не птица в клетке. Я... не знаю. Псих. Который хочет летать без карты.

— А что любишь?

— Музыка. Велосипед. — Он посмотрел на неё. Без юмора. — Тебя.

Аня закашлялась. Поперхнулась воздухом. Сергей уставился в огонь. Вдруг обнаружил там признаки философии. Катя покраснела. От слов.

— Ты не можешь так просто взять и сказать, — прошептала она дрогнувшим голосом.

— Могу. — Он пожал плечами. Движение вышло лёгким, без напряжения. — Я псих. У меня нет фильтра. Нет плана Б.

— Это не отмазка.

— Это правда. — Он улыбнулся. — Я не умею врать. И не хочу. Не умею делать вид, что мне всё равно. Особенно, когда мне не всё равно.

— Плохо.

— Честно. — Он подбросил ещё веток. Пламя взметнулось. Осветило его лицо. Вытащило тени под глазами, линию скулы, шрам на подбородке. — Иногда честность — это плохо. Она требует ответа. Но я выбираю её. Всегда.

Катя молчала. Она думала о том, как он сказал «тебя». Просто. Будто это было очевидным. И он ждал этого момента с самого первого дня. Внутри всё перевернулось. От того, что она не обязана быть идеальной.

— Дима, — сказала она. Не оборачиваясь. Смотрела в огонь.

— М?

— Ты... — Она запнулась. Язык не шевелился. Горло сжалось. — Ты хороший.

— Я знаю. — Он улыбнулся. Не насмешливо. Тепло. — Ты так уже думала. Я чувствовал.

— Я не думала.

— Думала. — Он повернулся к ней. Плечо коснулось её плеча. Намеренно. — Ты молчишь громче, чем говоришь.

Аня встала. Резко. Будто приняла решение.

— Всё, — сказала она. Потянулась. Зевнула. — Я спать. Вы тут сами разбирайтесь со своей химией.

— Какой химией? — спросила Катя. Моргнула. Вернулась из своих мыслей.

— Обычной. Психовской. — Аня махнула рукой. — Удачи. Не замерзните. И не сожгите палатку.

Она ушла в палатку. Молния зашипела. Внутри погас свет от телефона.

Сергей поднялся. Без спешки.

— Я тоже. — Он кивнул им обоим. Просто по-человечески. — Спокойной ночи. Психи.

Он ушёл. Молния. Темнота. Остались вдвоём.

Костёр трещал. Угли светились красным. Жар шёл волнами. Обжигал лицо. Грел спину. Байкал шумел. Ветер нёс запах воды, хвои, далёкого дождя. Звёзды выглянули из-за туч. Яркие.

— И что теперь? — спросила Катя. Боялась спугнуть мгновение.

— Теперь — ночь. — Дима посмотрел на неё. — Мы можем сидеть здесь. Или разойтись по палаткам. Спать. Мечтать. Ждать утра.

— А что ты хочешь?

— Сидеть здесь. — Он не стал шутить или уклоняться. Просто сказал. — С тобой.

— Почему?

— Потому что ты здесь. — Он помолчал. Ветер трепал волосы. Огонь трещал. — Потому что я устал прятаться. Устал бояться, что ты уйдёшь. Я хочу быть рядом.

Катя не выдержала. Она подвинулась ближе. Села так, что их плечи касались. Ткань курток шуршала. Тепло передавалось мгновенно. Будто ток.

— Замерзла? — спросил Дима.

— Немного.

— Я согрею. — Он обнял её за плечи.

Катя не сопротивлялась. Прислонилась головой к его плечу. Закрыла глаза. Вдохнула. Запах дождя, костра, его кожи. Всё смешалось в одно чувство.

— Дима, — шепнула. Будто доверила секрет огню.

— М?

— Я тоже тебя... — Она не договорила. Не смогла.

— Что — тоже? — Он не стал торопить. Ждал.

— Не спрашивай. Ты знаешь.

Он улыбнулся. Поцеловал её в макушку. Губы были тёплыми. Осторожными. Они сидели у костра. Дождь давно кончился. Млечный Путь растянулся над Байкалом, как серебряная река. Где-то вдалеке лаяла собака. Не важно.

— Катя, — прошептал Дима. Голос тихий. Серьёзный.

Катя закрыла глаза. Прислонилась сильнее. Рука его на плече не отпускала. Тепло растекалось по телу. Внутри было тихо. Не пусто. Тихо. Костёр догорал. Угли тлели. Пламя стало ниже, мягче. Но жар оставался.

А за спиной темный Байкал. Как обещание. Или начало. И лето, которое ещё не закончилось. А только набирало силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.